

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА МНОЙ

A woman wearing a red hooded cloak is shown from behind, standing against a bright yellow background. A smartphone is attached to her cloak with a green string, displaying a photo of a man. A bird of prey is flying in the upper left, and autumn leaves are scattered around the bottom of the cloak.

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Последнее слово за мной

Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123005*

Аннотация

Неужели прикованный к инвалидному креслу бизнесмен и вправду готов выложить миллион долларов тому, кто вернет ему сбежавшую супругу? Или дело в его завещании, ведь жена – единственная наследница? Как бы то ни было, Наташу заставляют сыграть роль беглянки, на которую она похожа как две капли воды. Так похожа, что муж, кажется, и не замечает подмены... Зато она подозревает, что все не так просто. Кто-то затеял хитроумную комбинацию, в которой ее используют как пешку и в нужный момент выведут из игры, заставив замолчать навсегда. Однако этот «кто-то» крупно просчитался. «Последнее слово за мной!» – решает Наташа и начинает свою игру...

Татьяна Полякова

Последнее слово за мной

Как мы умудрились перепутать чемоданы – ума не приложу. Конечно, они были совершенно одинаковые: кожаные, черные, с полосой металлического цвета. Таких чемоданов в поезде не один десяток. Состав не спеша подбирался к вокзалу, и я выставила чемодан поближе к двери купе, а сама, положив сумку на колени, устроилась возле столика и таращилась в окно. Сердце неожиданно забилося часто-часто, точно мне предстояла встреча с любимым человеком после долгой разлуки, а губы сами собой сложились в улыбку. Мне не терпелось выйти на перрон, вздохнуть полной грудью, а потом идти куда-нибудь, радуясь знакомым местам и подмечая перемены.

– Наташенька, да вы волнуетесь, – улыбаясь, заметил Геннадий Сергеевич, мой сосед по купе, очень милый человек с манерами старого барина.

– Волнуюсь, – кивнула я. – Даже самой удивительно.

– За двенадцать лет многое изменилось, – вздохнул он. – И все же надеюсь, что город вас не разочарует.

Вагоны замерли, потом дважды дернулись и очень медленно подползли к перрону.

– Ну вот. – Геннадий Сергеевич достал свой чемодан, улыбнулся, точно желая меня подбодрить, распахнул дверь

купе и подхватил оба чемодана. – Что ж, Наташенька, с возвращением на родину.

– Спасибо. – Я шагнула вслед за ним, повесив на плечо сумку. – Геннадий Сергеевич, вы не беспокойтесь, чемодан я сама понесу.

– Нет-нет, обижаете, молодая женщина с большим чемоданом в окружении мужчин – мое сердце не выдержит такого зрелища. Так что, сударыня, хотите вы того или нет, а я вас немного провожу, конечно, если вы доверяете свою собственность такому типу, как я.

Он засмеялся, а я, продвигаясь вслед за ним к тамбуру, хмыкнула и сказала в ответ:

– На подозрительного типа вы совершенно не похожи.

– Вот и отлично.

Пассажиры покидали поезд, кто-то улыбался, кто-то хмурился, суетливо оглядывался, высматривая родных на перроне. Мне высматривать было некого, но все равно я вертела головой и неизвестно чему улыбалась.

Вокзал был новым, по крайней мере раньше он выглядел иначе: приземистое здание с колоннами и широкой лестницей, узкие стрельчатые окна с лепниной, по фасаду затейливый орнамент из пятиконечных звезд, лент и снопов пшеницы. В детстве я любила его рассматривать в ожидании электрички, когда мы отправлялись на дачу в пятнадцати километрах от города.

– Гена, – услышала я совсем рядом и вздрогнула от нежиз-

данности.

Высокая женщина с пышной прической появилась откуда-то сбоку. Геннадий Сергеевич поставил чемоданы и с улыбкой обнял ее.

– Как доехал? – торопливо спрашивала женщина. – Как твой желудок? Ты лекарство принимал?

– Разумеется. – Геннадий Сергеевич слегка отстранился и повернулся ко мне: – Наташенька, это Софья Васильевна, моя супруга.

– Очень приятно, – кивнула я.

Софья Васильевна взглянула на меня мельком и подхватила мужа под локоть:

– У Сашеньки неприятности, представь...

– Подожди, Соня... – Геннадий Сергеевич вновь повернулся ко мне, а я торопливо подхватила свой чемодан:

– Спасибо вам большое, дальше я сама.

– Давайте я донесу ваш чемодан до стоянки такси, – предложил мой любезный попутчик.

– Нет-нет, не беспокойтесь. Мне нужно позвонить. Думаю, на вокзале есть таксофоны.

– Конечно, есть, – поддержала Софья Васильевна.

Мы простились, Геннадий Сергеевич с супругой направились вдоль перрона к стоянке такси, а я, толкнув тяжелые двери, вошла в здание вокзала, огромного, гулкого, со скользкими мраморными плитами под ногами. Я шла, хлопая по щиколотке тяжелым чемоданом, и высматривала те-

лефон. Сумка то и дело соскальзывала с плеча. Надо было засунуть ее в чемодан, немного денег на такси оставить в кармане: одна рука будет свободна и с чемоданом станет меньше проблем.

Тут я увидела таксофоны и направилась к ним. Для весеннего времени на вокзале было не так уж многолюдно, может, оттого, что сезон отпусков еще не начался. Я приткнула чемодан у стены, в кассе купила жетоны, стараясь не терять чемодан из виду, достала из сумки записную книжку и авторучку и набрала номер городской справочной. Меня интересовали гостиницы. Кататься по городу с тяжелым чемоданом представлялось глупым, поэтому я решила для начала справиться по телефону, где есть свободные номера. В первой же гостинице мне повезло: номера были, причем по скромной цене, как раз то, что мне нужно.

Гостиницу «Заря» я хорошо помнила (разумеется, если ее за это время не успели перестроить, как железнодорожный вокзал) – пятиэтажное здание почти в центре города, тоже с колоннами и лепниной по фасаду (застройка центра в основном пришлась на пятидесятые годы, и это наложило печать на его облик). Устроюсь в гостинице, приму ванну, а потом отправлюсь на пешую прогулку по городу. Весь день сегодня можно бездельничать. Надо, конечно, заняться поисками квартиры и попробовать узнать, как здесь насчет работы, но это все завтра. Радуюсь тому, что пока все складывается удачно, я переложила паспорт и сотенную купюру в

карман джинсов и открыла чемодан с намерением убрать в него сумку. Вот тут меня и ждал сюрприз. Чемодан вовсе был не моим!

– Ну надо же, – простонала я. – Вот тебе и повезло.

Не зря говорят: хочешь, чтобы везение тебе изменило, – вспомни о нем. Язык-то без костей... Копаться в чужом чемодане неприлично, только что же поделаешь, раз я должна как-то найти его владельца. Хотя всю дорогу мы с Геннадием Сергеевичем мило беседовали и даже успели поведать друг другу истории своих жизней, однако я не знала ни его фамилии, ни где он живет, даже номера телефона он не оставил, и теперь я надеялась только на то, что в чемодане окажется паспорт или иные бумаги, позволяющие найти Геннадия Сергеевича в большом городе. Испросив у господ благословения и поддержки, я принялась рыться в чемодане. Господь благоволил ко мне: в кармашке с левой стороны лежала записная книжка, а в ней визитки. С облегчением я прочитала: «Соломахин Геннадий Сергеевич» и номера телефонов, служебный и домашний.

Я торопливо набрала номер, но телефон ответил длинными гудками. Неудивительно: если Геннадий Сергеевич живет далеко от вокзала, то он не успел добраться до дома даже на такси.

– Ничего страшного, – сказала я себе и устроилась на скамейке. – Главное, что телефон у меня есть.

Я взглянула на часы, достала из сумки книжку и приго-

товилась терпеливо ждать. Но читать так и не смогла: смотрела за окна на вокзальную площадь, торопливо проходящих мужчин и женщин, сквер слева с большим фонтаном, голубей, важно расхаживающих по тротуару, троллейбусы, с гулом проносящиеся мимо, и памятник Ленину в самом центре площади. Может, сдать чемодан в камеру хранения и немного прогуляться? На то, чтобы приехать на вокзал, Геннадию Сергеевичу потребуется время... Нет, лучше держаться ближе к телефону, вдруг он живет недалеко и вскоре окажется дома?

Хоть я и уговаривала себя быть терпеливой, но то и дело вскакивала со скамейки и звонила. В один из таких моментов мне и показалось, что кто-то пристально наблюдает за мной. Я набрала номер и вдруг непроизвольно поежилась: чувство было такое, будто кто-то сверлит взглядом мой затылок. Я торопливо обернулась, выискивая любопытного. Не так много пассажиров, ждущих отправления своих поездов: кто-то дремлет, кто-то читает, кто-то смотрит в окно, как я. Никому до меня никакого дела. И все-таки странное чувство не проходило.

Я вернулась на скамью, сделала вид, что читаю, а сама принялась обшаривать глазами пространство перед собой. Совершенно никакого интереса к моей особе. «Чепуха, – вздохнула я. – Даже если кто-то и смотрит, что с того? Человек, как и я, мучается бездельем, вот и пялится в чужую спину. Чудаков хватает». Однако мысли эти не успокаива-

ли, а необъяснимая тревога все нарастала, поэтому, в очередной раз набрав номер телефона, я невероятно обрадовалась, услышав голос Геннадия Сергеевича.

– Наташенька, какая вы молодец, – сказал он. – А я, старый дурак, умудрился перепутать чемоданы. Ну что ты будешь делать...

– Геннадий Сергеевич, вы извините, мне пришлось в вашем чемодане покопаться.

– Слава богу, что визитки были там, не то пришлось бы мне рыскать по всем гостиницам в поисках красавицы Натальи, фамилии которой я не знаю. Наташенька, простите старика, я через полчаса подъеду.

– Не торопитесь, Геннадий Сергеевич, я в зале, где кассы на поезда дальнего следования, возле таксофонов.

– Лечу, лечу, – заверил он, а я с облегчением вздохнула. Полчаса – не так много.

Геннадий Сергеевич приехал даже раньше, через двадцать пять минут. В окно я видела, как возле ступеней остановились синие «Жигули», из них показался Геннадий Сергеевич, а за ним толстый-толстый дядька, он открыл багажник и достал мой чемодан. На радостях я подхватила чемодан Геннадия Сергеевича и бросилась к выходу. Здесь мы и встретились.

– Наташенька, ради бога извините...

– Ничего страшного, главное, что мы быстро нашлись, – улынулась я. Мы обменялись чемоданами, посмотрели на

них и засмеялись.

– Опять бы не перепутать, – покачал головой Геннадий Сергеевич. – Вы решили, в какую гостиницу поедете?

– Да. В «Зарю».

– Это немного не по пути... – начал он, но я перебила:

– Нет-нет. Спасибо, я доберусь. Не то мы в самом деле опять чемоданы перепутаем. Стоянка такси в трех шагах. Еще раз спасибо.

– Это вам спасибо, – сказал он и направился к синим «Жигулям», а я к стоянке.

День был жаркий, несмотря на конец апреля. Пройдя метров тридцать, я остановилась и сняла плащ, перекинула его через руку. Но так обе руки оказались заняты, и я решила убрать его в чемодан вместе с сумкой – она продолжала сползать с плеча и уже начала действовать на нервы. В общем, я добрела до скамейки, поставила на нее чемодан и... Кто-то вдруг толкнул меня и рванул сумку так, что ремешок выскользнул из рук. Я вскрикнула, качнулась и, повернув голову, увидела спину мальчишки, который со всех ног улепетывал по тротуару, размахивая моей сумкой.

– Стой! – отчаянно крикнула я, хотела было броситься за ним, но вспомнила про чемодан и только тяжело простонала. В этот момент от толпы, ждущей сигнала светофора, отделилась женщина. Мальчишка как раз поравнялся с ней, он намеревался пересечь площадь, не обращая внимания на светофор, но женщина ловко выставила ногу – шустрый вориш-

ка споткнулся, едва не упал, уронил сумку, женщина молниеносно ее подхватила, а мальчишка, восстановив равновесие, бросился бежать под громкие крики толпы.

Женщина направилась в мою сторону, а я с облегчением вздохнула.

– Ваша? – спросила она, протягивая сумку.

– Моя. Спасибо. Я даже сообразить не успела...

– Хорошо, что следом за паршивцем не кинулись, остались бы без чемодана. Зевать здесь нельзя, такие специалисты работают, что только диву даешься.

– Спасибо, – еще раз повторила я, глядя на женщину с большой признательностью и понятия не имея, как ее словесно выразить, разве только еще раз пять повторить все то же «спасибо».

Женщина была лет на семь старше меня. Дорогой костюм, модная стрижка... В ней чувствовались уверенность и желание повелевать. Она тоже оценивающе разглядывала меня, улыбаясь краешками губ. Я наконец-то убрала злополучную сумку и плащ в чемодан и теперь в нерешительности переминалась с ноги на ногу. Уйти – вроде бы невежливо, а продолжать разговор мне не хотелось. Я покосилась в сторону стоянки такси.

– Издалека? – спросила женщина.

– Из Душанбе, – ответила я, а она по-мальчишески свистнула.

– В командировке были?

– Нет, жила там. А вот теперь сюда.

– В отпуск?

– Как получится. Вообще-то, думаю, навсегда. Я здесь родилась.

– Остановиться собираетесь у родственников?

– У меня здесь даже знакомых нет. Поеду в гостиницу. «Заря» – это ведь в центре? Я не путаю?

– Не путаете. Идемте со мной, – вдруг сказала моя новая знакомая. – Я на машине, мне как раз в центр надо. Довезу. Чемодан у вас на вид тяжелый.

– Спасибо, я на такси, – торопливо заверила я.

– Да бросьте вы, мне ж это ничего не стоит. – Она сделала несколько шагов, оглянулась, подмигнула весело и махнула рукой.

Подхватив чемодан, я зашагала следом. По ту сторону площади, неподалеку от сквера располагалась стоянка легковых автомобилей. Женщина уверенно направилась к ярко-красному «Опелю», по виду совершенно новому.

– Машину водите? – спросила она, заметив мой заинтересованный взгляд.

– Да. У меня были «Жигули», пятая модель. Пришлось продать.

– Что так? – удивилась женщина.

Я пожала плечами:

– Деньги нужны. Я ведь собралась сюда перебираться, да и перегонять машину в такую даль смысла нет.

– Это точно.

Она убрала мой чемодан в багажник и открыла передние двери. Мы сели, пристегнулись, и женщина завела машину.

– А я маме билеты заказывала, – ни с того ни с сего сообщила она. – Мама у меня на юг собралась, в Сочи. Говорит, в мае народу поменьше, купаться она не любит, а загорать в самый раз. – Я кивнула, не зная, что ответить на это. – Меня Светланой зовут, – вдруг спохватилась женщина.

– А меня Наташей, – представилась я и добавила: – Очень приятно.

Она лихо вырулила со стоянки и на весьма приличной скорости покинула вокзальную площадь.

– Значит, вас на разведку послали? – через минуту поинтересовалась она. – Устройтесь, а там и семейство переберется? Говорят, в Душанбе беспокойно, русские уезжают.

– Беспокойно, – вздохнула я. – Только все мое семейство – это я.

– Как так? А родители?

– Отца я с пяти лет не видела, даже не знаю, где он. Мама умерла, когда я еще в школе училась. Вот бабушка и забрала меня в Душанбе. Она там во время войны оказалась, в эвакуации, дед погиб, родни ни там, ни здесь, вот бабуля и решила не покидать насиженное место. А мама здесь училась и замуж вышла, потом я родилась...

– А что с бабушкой? Умерла?

– Да. Этой зимой, – кивнула я и отвернулась. Я предпочла

бы молча смотреть в окно, но получилось бы неприлично: Светлана вернула мне сумку, любезно предложила подвезти, так что хочешь не хочешь, а разговор поддерживать надо.

– А по специальности вы кто? – продолжала любопытствовать моя спутница.

– В Душанбе работала в аэропорту в таможене.

– Образование высшее?

– Да. Я в Ленинграде училась.

– А чего там не остались?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Прежде всего из-за бабушки. Она никуда уезжать не хотела, а одну ее не оставишь.

– Но теперь, когда ее нет...

– Мне всегда хотелось сюда вернуться, – уклончиво ответила я, надеясь, что больше мне ничего не придется объяснять. Это был город моего детства, он казался мне необыкновенно красивым, солнечным, светлым, и было такое чувство, что только здесь меня непременно поджидает счастье.

– А вы знаете, у меня друг – начальник на местной таможене. Если хотите, я с ним поговорю...

– Правда? – не поверила я.

– Конечно. Обещать ничего не могу, с работой сейчас сами знаете как, но если будет возможность...

– Спасибо вам, – торопливо поблагодарила я и всерьез подумала: «Может, вправду мне здесь повезет? По-настоящему?»

– Подождите спасибо говорить, – засмеялась Светлана. –

Я еще ничего не сделала. К тому же приятель мой – тот еще тип, работать с ним не сладко...

– Я работы не боюсь, – завершила я. – А начальство хорошим не бывает, на то оно и начальство, чтобы было кого добрым словом поминать.

– Это точно, – согласилась она, объехала маленький круглый сквер с клумбой в центре и притормозила, а я с волнением узнала гостиницу «Заря». За двенадцать лет здание ничуть не изменилось, даже стены были выкрашены в тот же блекло-зеленый цвет, и мокрые подтеки на фасаде тоже как будто остались с прежних времен. – Ну вот, – сказала Светлана. – Надеюсь, с номером проблем не будет.

– Не будет, – я торопливо кивнула. – Я уже звонила...

– Что ж, тогда всего доброго. – Она помогла мне достать чемодан, а потом, вернувшись в машину, записала на листке бумаги номер телефона. – Вот. Позвоните мне, я почти всегда дома. Я художница, мне ваше лицо понравилось, очень бы хотелось его нарисовать.

– Спасибо, – должно быть, в сотый раз за двадцать минут сказала я, помахала рукой и стала подниматься по лестнице, слыша, как за моей спиной заработал мотор «Опеля». Я еще раз оглянулась, и Света, выезжая со стоянки, помахала мне в ответ. Вместо безграничной признательности я вдруг почувствовала странное облегчение и самой себе попеняла: «Бабушка была права, ты дичаешь: поговоришь с человеком несколько минут и уже норовишь поглубже в нору забиться.

Дремучий ты человек, Наташка». Дремучий или нет, но в обществе я в самом деле не очень нуждалась, на работе было шумно,людно, постоянное напряжение, оттого дома хотелось тишины и одиночества. Ситуация в Душанбе в последние годы к поздним прогулкам по городу не располагала, общение с друзьями в основном сводилось к болтовне по телефону...

Холл гостиницы выглядел пустынно, в углу, возле окна, сидели двое мужчин в форме летчиков, возле газетного лотка стояли женщины, что-то разглядывая, а администратор за стойкой откровенно скучала. Может, поэтому мне она обрадовалась и, пока я заполняла бланк, приветливо улыбалась.

Я получила одноместный номер на третьем этаже. Помнится, когда-то эта гостиница считалась лучшей в городе, по фасаду вечерами вспыхивала неоновая надпись «Интурист», но, как видно, все это осталось в прошлом. Номер, в котором я оказалась через несколько минут, наводил на мысль не об интуристах, а о тщете всего сущего... Обои на стенах давно выцвели и лишились первоначального рисунка, остались только нелепые разводы коричневого цвета, коврик на полу протерся до дыр. Стандартный набор мебели: кровать с розовым покрывалом, кресло, стол, шаткая тумбочка, а на ней цветной «Рекорд», по виду мой ровесник. Кран в ванной подтекал, вместо туалетной бумаги – старательно нарезанные кем-то листы «для записок».

– Чудеса, – покачала я головой, глядя на это достижение

гостиничного сервиса, и добавила громко: — Ты ведь и не надеялась, что тебя здесь ждут все блага земные и принц-красавец на белом коне в придачу.

Насвистывая, я включила горячую воду и, пока ванна наполнялась, разобрала вещи. Вешалок в шкафу оказалось только три, и это неожиданно развеселило. Чемодан опустел, а гостиничный номер моими стараниями приобрел более-менее жилой вид.

Минут пятнадцать я блаженствовала в ванной, затем, посетив гладильную комнату, облачилась в свой лучший костюм, наспех перекусила в ближайшем кафе и отправилась бродить по городу. Он показался мне необыкновенно красивым, на душе было легко, хотелось беспричинно смеяться. Вернулась я поздно, когда на улицах почти не осталось прохожих, а пустые троллейбусы проносились мимо, торопясь к конечной остановке.

В свете подслеповатой лампочки номер гостиницы казался почти убогим, но и это не испортило мне настроения. Я легла, натянула одеяло до самого носа и закрыла глаза. А потом сказала громко:

— Мне повезет.

Утром я купила все местные газеты и занялась объявлениями. Интересовали меня два раздела: «Работа» и «Квартиры». Путем нехитрых подсчетов выяснилось, что денег, которые я смогу выручить за трехкомнатную в Душанбе,

с трудом хватит на однокомнатную «хрущевку», а пока есть смысл подыскать себе жилье подешевле, гостиница мне очень скоро станет не по карману.

Из объявлений раздела «Работа» мало что могло привлечь мое внимание, но я все же сделала несколько звонков. Особенно выбирать не приходилось, в крайнем случае сойдет и временная работа, а там посмотрим. После обеда я вновь отправилась гулять, а вернувшись около семи, с удивлением услышала, как в номере звонит телефон. Я торопливо открыла дверь, бегом припустилась к столу и схватила трубку.

– Наташа? – Голос по телефону я узнала не сразу и скорее догадалась, что звонит мне вчерашняя знакомая. Впрочем, кто бы еще мне мог позвонить в этом городе?

– Здравствуйте, Светлана, – отозвалась я.

– Как ваши дела?

– В общем, нормально. Как вы меня нашли?

– Из всех гостей в этой гостинице вы одна из Душанбе. Я вот по какому поводу: моя подруга уезжает в Германию на восемь месяцев, сдает квартиру на это время. Оплата сущий пустяк, но есть условие: квартира должна содержаться в чистоте, у подружки это бзик. Впрочем, квартира небольшая, мебели совсем мало, так что выполнить ее условие будет не так трудно. Само собой, квартира с телефоном и в приличном районе, десять минут – и вы в центре. Ну как?

– Здорово, – ответила я.

– Ну вот и отлично. Она уезжает через неделю, это вас

устроит?

– Да, конечно. Даже не знаю, как вас благодарить...

– Я ведь уже сказала, мне очень понравилось ваше лицо...

Послушайте, Наташа, думаю, немного свободного времени у вас найдется, почему бы вам не заглянуть ко мне в гости? Это недалеко от гостиницы, записывайте адрес... – Не успела я ответить, как Светлана начала диктовать, а потом сказала: – Берите такси – я заплачу – и приезжайте. Жду. Обещаю накормить вас ужином.

«Все художники немного чокнутые», – решила я, глядя на себя в зеркало. Лицо как лицо, в общем-то довольно симпатичное, если не валять дурака и не прибедняться, но такси и ужин – это слишком.

Добиралась я на троллейбусе, решив не злоупотреблять чужой добротой. Дом, где жила Светлана, в самом деле находился неподалеку от гостиницы. Старое и довольно обшарпанное сооружение в три этажа с нелепой пристройкой наподобие башни сбоку. Вот в этой самой башне и находилась нужная мне квартира.

Светлана открыла дверь в заляпанной краской блузке, босая, с белой косынкой на голове.

– Проходи, – бросила она коротко и поцеловала меня в щеку, точно мы лет сто были закадычными подругами.

– Привет, – промямлила я.

Вообще-то я нелегко схожусь с людьми, и сейчас этот резкий скачок к дружбе меня беспокоил. С другой стороны, в

этом городе у меня никого, а Светлана обещала помочь с жильем и даже что-то говорила насчет работы...

— Проходи, сейчас вымою руки и будем чай пить. — Светлана провела меня в огромную восьмиугольную комнату с тремя окнами без занавесок и сказала: — Располагайся, где тебе удобнее, я буквально на пять минут. — Тут она, словно опомнившись, спросила: — Ничего, что я на «ты»? Не возражаешь?

— Нет, конечно, — пожала я плечами.

— Знаешь, я не сторонница всех этих условностей: если мне человек нравится, я так об этом и говорю и вообще доверяю своей интуиции и не считаю обязательным съесть с кем-то пуд соли.

Я не знала, что ответить на это, улыбнулась и молча кивнула, давая понять, что с ней согласна. Она исчезла в длинном темном коридоре, а я осмотрелась. Два больших мольберта, картины без рам на стенах, картины на полу, рисунки, краски, пустые тюбики, пластиковые банки, огрызки карандашей и клочья бумаги — полный хаос. Часть комнаты отделяла шаткая деревянная перегородка. Я заглянула за занавеску и увидела продавленную тахту с грязным постельным бельем, старенькое трюмо, на котором стояла бутылка водки — жидкости осталось чуть-чуть на доньшке — и граненый стакан. Увиденное мною совершенно не вязалось с обликом Светланы: женщины холеной, элегантной, безусловно не бедной. Покачав головой в недоумении, я вернулась к

картинам и не спеша стала их разглядывать. К знатокам живописи я себя не причисляла, но интерес к этому виду искусства у меня всегда был, может, оттого увиденное вызвало недоумение: часть картин оказалась детским подражанием Сальвадору Дали, а остальные – весьма незрелыми пейзажами с обилием зеленого. Было несколько портретов, выполненных пастелью, – впечатление такое, что их наспех рисовал художник-самородок морозным днем на улице с плохой фотографии. При этом у меня было странное чувство, что «Дали», пейзажи и портреты принадлежат разным людям – невозможно представить, что это дело рук одного человека. В общем, какое-то случайное собрание абсолютно бездарных работ.

Тут вошла Светлана, я поспешила улыбнуться и отошла от картин.

– Ты увлекаешься живописью? – спросила она.

– Нет, – заверила я, дабы избавить себя от необходимости высказывать мнение о ее картинах. – Ничего в этом не понимаю.

– Но тебе что-нибудь понравилось?

– Да, – кивнула я поспешно и ткнула пальцем в зимний пейзаж. Домишки вразброс и церковь на горе. Стоя под таким углом, колокольня давным-давно бы рухнула, зато сиреневый снег выглядел очень нарядно.

– Эта? – спросила Светлана. – Мне она тоже нравится. Обожаю русскую зиму, а ты?

– Если честно, я от нее немного отвыкла, – усмехнулась я. Светлана все больше и больше вызывала недоумение. И я уже жалела, что пришла. – В Питере, а тем более в Душанбе зиму трудно назвать «русской».

– Я забыла, откуда ты приехала, – засмеялась Светлана. – Идем пить чай.

Она повела меня на кухню, выглядевшую такой же захламленной, как и комната, слава богу, хоть чашки были чистые. Чай пили с халвой и яблочным вареньем.

– Я звонила подруге, – сказала Светлана. – В среду сходим, посмотришь квартиру. Коммунальные платежи рублей сто, и мне будешь каждый месяц отдавать сотню. Дешевле ничего не найдешь. – С этим было трудно не согласиться. – К тому же я могу и подождать. Так что проблем у тебя возникнуть не должно. Со своим приятелем из таможни я тоже говорила, пока ничего конкретного, но помочь обещал. Дашь мне копию диплома и выписку из трудовой. Думаю, работу он тебе подыщет.

– Это было бы здорово, – сказала я, испытывая странную неловкость. Точнее, забота Светланы казалась мне странной, хотя чему удивляться: люди разные, иногда встречаются бескорыстные... почему-то очень редко, как правило, все хотят что-то взамен. В настоящий момент я пыталась отгадать, чего хочет Светлана. Она непринужденно рассказывала о себе, о своих друзьях, я слушала, кивала и выжидала время, когда можно будет проститься и уйти.

Около десяти я решила, что вполне могу откланяться, и тут в дверь позвонили. Светлана как раз мыла посуду и попросила:

– Открой.

Я распахнула входную дверь и увидела двух молодых людей. Один держал в руках четыре бутылки пива, другой кильку в целлофановом пакете в левой руке, в правой набор пирожных, а в зубах желтую розу с очень длинным стеблем.

– Привет, – улыбнулся он. – Васильевна трудится?

– Посуду моет, – ответила я.

– Вперед, – радостно скомандовал парень, и они пошли на кухню.

Светлане вручили пирожные, потом розу и кильку, а я подумала: «Самое время сматываться». Но не тут-то было – все трое дружно принялись приглашать меня посидеть немного, в результате мы оказались за большим столом в мастерской. Я выпила пива, чтобы избавиться от докучливого потчевания, улыбалась и приглядывалась к гостям. Того, что принес в зубах розу, звали Игорь, он был выше среднего роста, худощавый, с маленькой бородкой и смеющимися глазами. Наверняка Игорь был душой общества, он сыпал остротами и изо всех сил старался произвести впечатление. Второй, Виктор, выглядел старше, глаза с поволокой, блуждающая улыбка, многозначительные замечания, которые высказывались почти шепотом, насмешливо и как бы невзначай. Оба художники, готовились к какой-то выставке и заинтересованно об-

суждали свои дела, но из уважения ко мне тему быстро сменили. А недоумение мое все росло: во-первых, к Светланиной живописи они, судя по всему, относились серьезно, и это попросту обескураживало, во-вторых, опыт общения с творческой интеллигенцией давно укрепил меня в мнении, что говорить эти люди могут только о себе и своих делах, ругать, редко хвалить или спорить, но только о своем, сиди рядом хоть Мата Хари. Исключение делалось для людей, которые чем-то могли быть полезны (например, денег дать). У меня с деньгами туго, так что оставалось гадать, что скрывается за такой фантастической любезностью.

В одиннадцать я твердо заявила, что мне пора. Оба гостя высказали желание меня проводить, поднялись и, недовольно переглянувшись, потопали к двери.

– Ты произвела впечатление, – шепнула мне Светлана таким тоном, точно сообщала о миллионном выигрыше в лотерею. Я ее восторг совершенно не разделяла и, оказавшись на улице, остановила первую же машину, торопливо попрощалась с мужчинами и отбыла в гостиницу.

Всю следующую неделю Светлана звонила мне ежедневно, несколько раз навещала (один раз в сопровождении Игоря) и всячески выказывала заботу. Меня это начинало тяготить. Под разными предлогами я уклонялась от встреч с ней и без конца звонившими мне Виктором и Игорем, чем вызвала ее недовольство.

– Найду я тебе работу, – очень резко сказала она, когда я

в очередной раз пряталась от посиделок. – Почему бы тебе не отдохнуть немного?

– Если честно, я еще устать не успела, – ответила я и начала подумывать о том, что, может, есть смысл подыскать квартиру и переехать, не ставя об этом в известность Светлану. Но в общем-то виделись мы не так часто: я целыми днями рыскала по городу в поисках работы, и застать меня в гостинице было трудновато.

В пятницу Светлана пришла довольно поздно, где-то около десяти, устроилась в кресле и, глядя на меня с некоторым недовольством, вдруг спросила:

– Ты что-нибудь слышала о выходных днях?

– Ну, в общем, да, – засмеялась я.

– Весной и летом люди обычно проводят их за городом. А завтра, между прочим, суббота. У моего приятеля дача на Сергиевском озере. Безумно красивое место. Поедем? Что толку болтаться в субботу в городе, конторы все равно закрыты?

– Мы поедем вдвоем? – спросила я.

– Если ты не против, я приглашу Витю с Игорем...

– Я против, – сказала я спокойно. – Разумеется, вы можете отправляться на озеро, а я, пожалуй, останусь здесь.

– Тебе они не нравятся? – нахмурилась Светлана.

– Нравятся, но не настолько, чтобы я проводила с ними время на даче.

– Господи, да что такого? – всплеснула она руками. – Они

нормальные ребята, даже не думай...

– Я и не думаю, – пожала я плечами.

– Хорошо, – вздохнула Светлана. – Возьмем одного Игорька, кто-то должен организовать нам шашлыки.

На следующее утро они заехали за мной на Светланином «Опеле». До Сергиевского озера было километров двадцать. Пейзаж выглядел живописно: березовая роща, чуть дальше скопление высоких сосен. Дача стояла на высоком берегу в полукилометре от деревушки – двухэтажное деревянное строение в виде русского терема с резным крыльцом, баней и колодцем во дворе. Когда мы подъехали к палисаднику, на крыльце появился мужчина, видимо хозяин дачи. Высокий, лет тридцати пяти, с интеллигентным лицом и ранней лысиной. Глаза из-за стекол очков смотрели оценивающе.

– Знакомься, – сказала Светлана. – Это Кирилл Сергеевич, а это моя подруга Наташа. Она приехала из Душанбе, и у нее ностальгия по русским пейзажам.

– О, этого у нас сколько угодно, – улыбнулся Кирилл Сергеевич, пожимая руку Игорю, а на меня посмотрел очень внимательно, как будто задался целью определить, что у меня в голове, но сказал только: – Очень рад.

Человеком он оказался сдержанным и в общем-то приятным. К вечеру, прогуливаясь вдоль озера, мы разговорились (он в основном задавал вопросы, а я отвечала) и остались довольны друг другом.

Утром мы опять гуляли, потом катались на лодке, и Ки-

рилл Сергеевич кое-что рассказал о себе. Он окончил политехнический институт, по образованию архитектор (дом построен по его проекту). Потом вдруг понял, что архитектура не его призвание, и круто изменил свою жизнь. Где работает в настоящее время, сообщить не пожелал, Впрочем, я и не спрашивала. Чувствовалось, что человек он далеко не бедный и наделенный властью: Светлана в его присутствии как-то затихала, а Игорек и вовсе выглядел меньше ростом. Когда мы катались на лодке, Кирилл Сергеевич заявил:

– О работе не беспокойтесь. И с квартирой поможем. Продавайте жилье в Душанбе и перебирайтесь насовсем.

Я ничего не ответила, только улыбнулась про себя, пытаюсь решить: то ли мне в жизни необыкновенно повезло на хороших людей, то ли... вот это самое «то ли» очень меня занимало. Денег у меня немного, ни друзей, ни ценных знакомых, вообще никого, так что видимый интерес отсутствует. Тогда что? Выходит, мне в самом деле попались очень душевные люди?

Хотя Светлана и называла Кирилла Сергеевича своим приятелем, никакой близости между ними не было и в помине. Скорее даже наоборот: в какой-то момент, наблюдая за ними, я решила, что Светлана его боится, а он относится к ней откровенно пренебрежительно. Игоря же он вообще замечал, только когда требовалось выполнить какую-нибудь работу: вымыть шампуры после шашлыков или вынести кресла на веранду. Мне бы вряд ли пришло в голову отды-

хоть в доме человека, который с трудом различает гостей на фоне мебели, впрочем, ко мне он отнесся в высшей степени гостеприимно и своего интереса не скрывал. Знать бы еще, какого рода этот интерес... Перед обедом Кирилл Сергеевич спросил мой номер телефона в гостинице, аккуратно записал его в книжечку и улыбнулся.

– Ждите звонка. Надеюсь, смогу вас порадовать. – Я принялась его благодарить, а он, смеясь, сказал: – Лучше выпейте за мое здоровье, – и пригласил нас к накрытому в саду столу.

Хотя на правах хозяина приглашал он, шеф-поваром был Игорь и, честно говоря, сумел произвести впечатление. Мы выпили две бутылки красного вина, арктический холод исчез из глаз Кирилла Сергеевича, и он лихо рассказал пару смешных анекдотов, после чего слово взял Игорь и до самого вечера веселил нас различными историями, запас которых был у него неистощим. Теперь собравшиеся за столом в самом деле походили на друзей, и тревожные мысли меня оставили.

– Я вас сейчас своей настойкой угощу, – заявил Кирилл Сергеевич и вынес из дома хрустальный графин. Жидкость в нем по цвету напоминала коньяк. – Давайте-ка по рюмочке...

Настойка оказалась крепчайшей, у меня даже слезы на глаза навернулись. Похвалив хозяина, Игорь предложил повторить и повторил, а мы со Светой отказались: ей предсто-

яло вести машину, а я к выпивке всегда была равнодушна, а вот головную боль по утрам не жаловала. В конце концов Игорь выпил в одиночку почти весь графин, и в машину его буквально загружали. Он с комфортом устроился на заднем сиденье и вроде бы уснул. На сборы ушло минут пятнадцать, и вскоре Кирилл Сергеевич уже провожал нас. Он еще раз велел мне ждать звонка и помахал рукой, а Светлана лихо рванула с места. Машину вдруг начало кидать из стороны в сторону, Светлана смеялась и вообще вела себя странно. Тут я подумала, что выпила она довольно много, и забеспокоилась. Лесная дорога не предполагала, что по ней будут нестись на скорости сто двадцать, и езда больше напоминала скачки.

– Мы ведь не очень торопимся, – заметила я.

– Извини. – Светлана сбросила скорость. – Иногда так приятно прокатиться с ветерком... Хочешь сесть за руль?

– Нет, спасибо, – ответила я, хотя и подумала, что в данной ситуации это было бы разумно.

– Чего ты, попробуй, здесь ни души... ни встречных машин, ни милиции. Садись...

Минут пять она меня уговаривала, а машину все это время швыряло по дороге.

– Перестань валять дурака, – не выдержала я.

– А мне нравится так ездить. Ну, сядешь за руль или нет?

– Хорошо, – согласилась я. Мы поменялись местами. Быстро стемнело, я включила дальний свет, но тут выясни-

лось, что левая фара вообще не горит, а правая только в режиме ближнего света. – Что у тебя со светом? – проворчала я.

– А... – отмахнулась Светлана. – Ерунда. Доедем. Слушай, какого черта ты еле плетешься? Это «Опель», а не паршивая «копейка»!

Она хохотнула и прижала ногой мою ногу к педали газа. Машина рванулась вперед.

– Прекрати, – разозлилась я. Машину повело вправо, я с трудом ее вывернула и зло повторила: – Прекрати.

Светлана засмеялась и, продолжая давить на газ, потянула руль на себя.

– Ты спятила! – рывкнула я и оттолкнула ее локтем. Все происходящее здорово напоминало неожиданный припадок безумия. Она вдруг убрала ногу с педали, потом обняла меня за шею и смачно поцеловала. – Чокнулась, – отстраняясь, пробормотала я. – Не можешь ты быть такой пьяной. На даче ты была в норме...

Не успела я договорить, как слева мелькнуло что-то темное, я охнула, нажала тормоз, услышала чей-то крик, а потом и сама заорала, на долю секунды увидев в лобовом стекле бледное лицо с обезумевшими от ужаса глазами. Машина продолжила движение, я пыталась ее остановить, но Светлана вновь нажала педаль газа и крикнула:

– Ты что, рехнулась? Сматываемся отсюда...

– Господи, я сбила человека, – выдохнула я, боясь, что

сейчас упаду в обморок.

– К черту, это просто бродяга.

На какое-то время я словно оцепенела от ужаса, а машина продолжала нестись вперед – руль держала Светлана.

– Останови, – собравшись с силами, сказала я. – Останови машину, мы должны вернуться...

– Свихнулась? – Лицо ее побелело как мел и стало таким злым, что казалось уродливым. – В машине трое подвыпивших граждан, возвращающихся с шашлыков, да нам отвесят на всю катушку!

– Этот человек, возможно, нуждается в помощи. Вернемся и отвезем его в больницу...

– Может, ты такая честная, а мне своя шкура дороже. Мне не нужны заморочки с милицией! Это какой-то бомж. Кому еще придет в голову шляться ночью в лесу? Сматываемся отсюда и забудем об этом.

Тут мне все-таки удалось остановить машину.

– За такие вещи положена тюрьма, – срывающимся от злости голосом сказала я.

– Точно. Ты в ней окажешься очень быстро, если дурака валять не перестанешь. Это ты его сбила, ты! Проведут экспертизу – сколько ты сегодня выпила? Ну-ка, вспомни! Вполне достаточно для того, чтобы вклеить тебе срок на всю катушку, и мне достанется, машина-то моя... Если тебе наплевать на свою жизнь, то о моей хотя бы подумай, у меня выставка на носу, на кой черт мне эти разборки с милицией?

Она уже орала во весь голос, а я вдруг почувствовала пустоту в груди и странное спокойствие.

— Мы должны вернуться, — дождавшись, когда она перестанет кричать, сказала я. — Понимаешь, должны.

— Не понимаю, — отрезала она. — Если ты хочешь взглянуть на этого бродягу — пожалуйста. Но только не на моей машине.

— Это глупо, — стараясь говорить спокойно, покачала я головой. — Тебе все равно придется беседовать с милицией...

— Иди ты к черту! — рывкнула она и отвернулась, а я вышла из машины и торопливо зашагала назад.

Было довольно темно, я ускорила шаг и теперь почти бежала. От места происшествия мы отъехали метров на пятьсот-шестьсот. Меня бил озноб: вот сейчас увижу искалеченное тело на дороге, кровь... Вот две сосны в виде английской V, значит, совсем рядом... Я прошла еще метров триста — дорога была абсолютно пустынна. Несмотря на темноту, не заметить тело человека я не могла. Значит, ударом его отбросило далеко в сторону. Задыхаясь от волнения, я пошла по обочине. Совсем рядом довольно глубокая канава, а потом заросли молодых березок. И ничего, что указывало бы на недавнюю трагедию. На поиски я потратила не меньше сорока минут, в изнеможении привалилась к шероховатому стволу сосны и с тоской посмотрела в небо. Звезды взирали равнодушно, а мне захотелось плакать. Я различила тусклый свет единственной фары, а вскоре услышала шум мото-

ра: Светлана все-таки решила вернуться.

– Ну что? – бросила она хмуро, затормозив рядом со мной.

– Никого нет.

– Слава богу... Значит, он очухался и смылся. Говорю, это какой-то бродяга, они живучие... Садись в машину.

Я покорно села, продолжая вглядываться в темноту, а Светлана стала разворачивать «Опель». На узкой дороге это было нелегким делом, на мгновение свет единственной фары выхватил из темноты силуэт... машина, кажется... Я так и не успела разглядеть, а потом усомнилась: какая, к черту, машина, что ей делать в стороне от дороги в такое время?

Благополучно развернувшись, Светлана направилась в сторону города. Теперь она ехала очень осторожно, стрелка спидометра застыла на отметке семьдесят.

– Господи, ну надо же... – пробормотала она, когда мы выехали на шоссе, посмотрела на меня и виновато добавила: – Извини, я, кажется, себя вела не лучшим образом... я здорово испугалась...

– Я тоже, – вздохнула я. – Не могу понять, куда он делся?

– Значит, задело его несильно, иначе он не смог бы так быстро очухаться и сбежать.

– Куда он сбежал, по-твоему?

– Откуда мне знать? Наверное, в эту деревушку на холме. Какая разница, где он живет... Вот черт, до сих пор руки дрожат. Слава богу, что все так закончилось. – Светлана по-

вернулась и зло посмотрела на спящего Игоря. – А этот спит, как младенец... хотя, может, и к лучшему. Лишние свидетели нам не нужны.

Я вздохнула и стала смотреть в окно. В отличие от Светланы никакого облегчения я не ощутила, скорее наоборот: тревога нарастала, мне вдруг захотелось вернуться и все еще раз как следует осмотреть. Глупо, конечно, в темноте я не найду никаких следов происшествия, я даже место точно определить не смогу... Мы уже въехали в город, Игорь сонно завопил сзади, а Светлана спросила:

– Может, сегодня у меня переночуешь?

– Нет, спасибо, – ответила я, мечтая скорее оказаться в одиночестве. Странная, странная, до жути нелепая история.

Светлана остановила машину возле гостиницы, я поспешно простилась и поднялась к себе. Может, имеет смысл позвонить в милицию? Вдруг этот человек все еще там? Я отправилась в ванную, включила воду и долго стояла под горячим душем, пытаюсь понять причину нараставшего во мне гнетущего беспокойства.

– Что-то тут не так, – громко заявила я и даже головой покачала. – Что-то не так.

Всю ночь меня мучили кошмары: бледное лицо, прижавшееся к лобовому стеклу, лес и церковь на пригорке. Проснувшись я часов в семь и торопливо покинула номер. Долго бродила по улицам, пытаюсь успокоиться и убедить саму себя в том, что вчера все обошлось без трагических по-

следствий, человек жив, а я должна поскорее забыть эту чертову лесную дорогу и заняться своими делами...

– Только бы он был жив, – бормотала я, чувствуя, что ни о каких делах думать не в состоянии.

К обеду я вернулась в гостиницу. Голова раскалывалась от боли, очень хотелось спать долго-долго и без сновидений. Я прилегла, не раздеваясь, на кровать и уставилась в потолок. Не прошло и десяти минут, как в дверь очень осторожно постучали. «Не дай бог, Светлана», – испугалась я. После вчерашнего встречаться с ней совершенно не хотелось, но все-таки я пошла открывать. На пороге стоял Кирилл Сергеевич – его я меньше всего ожидала увидеть.

– Здравствуйте, – растерялась я. Он не ответил, прошел в номер и сел в кресло. В некотором недоумении я прошла за ним. – Как вы меня нашли? – спросила, чтобы только что-то спросить, и тут же отметила про себя, как изменилось его лицо. От вчерашней любезности и следа не осталось, он смотрел холодно, даже отчужденно, потом слегка усмехнулся и сказал:

– Вы плохо выглядите, Наталья. Переживаете из-за случившегося?

– Вам Светлана рассказала?

– Нет, – он покачал головой, потом достал из кармана куртки несколько фотографий и протянул мне.

Я взяла их, взглянула на первую и нахмурилась, сердце заныло, а в животе что-то свернулось тугим тошнотвор-

ным клубком. В высокой траве лежал, странно скорчившись, мужчина. Открытые глаза, кровь на виске... Не надо особой догадливости, чтобы понять: это труп. Еще на двух фотографиях – тот же мужчина в других ракурсах.

– Кто это? – тупо спросила я, заранее зная ответ.

– Человек, которого вы вчера убили.

– Я никого не убивала, – возвысила я голос, понимая всю глупость подобного заявления.

– Возможно, – спокойно согласился Кирилл Сергеевич. – Это ваша точка зрения. Но у правоохранительных органов есть своя. Вы сбили человека и уехали, бросив его умирать.

– Я вернулась.

– В самом деле? Вызвали «Скорую», сообщили в милицию?

– Я его не нашла. Там никого не было...

– Вы его не нашли и спокойно отправились спать.

– Хорошо. Я его убила, – разозлилась я. – Что дальше?

– Вам должно быть известно: суд, затем тюремное заключение. Лично я не нахожу в вашем деле смягчающих вину обстоятельств, вряд ли их найдет и суд.

– Этого человека не было на дороге, я возвращалась и не обнаружила его.

– Неудивительно. Было темно, машина шла на большой скорости, ударом его отбросило довольно далеко. Кстати, есть свидетели этого происшествия.

– Светлана?

– И она, конечно, тоже. Но в тот момент неподалеку находилась еще одна машина с тремя пассажирами. Именно они подобрали тело...

– Предварительно сфотографировав?

– Предварительно сфотографировав, – кивнул он и вдруг засмеялся.

– Там не было никакой машины.

– В самом деле? – Он как-то противно хихикнул, уставившись на меня. – Вы в этом уверены?

Значит, мне вчера не померещилось, значит, там, под деревьями, действительно стояла машина... Что за чертовщина, а? Не глядя на Кирилла Сергеевича, я придвинула телефон и стала набирать 02.

– Куда вы звоните? – проявил он интерес.

– В милицию, естественно, – ответила я.

Он нажал на рычаг и ласково мне улыбнулся:

– Может быть, не стоит торопиться?

Я положила телефонную трубку, посмотрела в глаза своему нежданному гостю и спросила:

– Кирилл Сергеевич, кто вы?

– Человек, – развеселился он. – Обычный человек, каких множество, а у каждого человека есть свои маленькие проблемы. Есть они и у меня.

– Хорошо, спрошу по-другому. Что вам от меня нужно?

Он полез в карман, вынул еще одну фотографию, положил ее на стол передо мной и постучал по ней ногтем.

– Взгляните, – в голосе его опять звучала насмешка, – и попробуйте ответить, кто это?

На фотографии, вне всякого сомнения, была я... Взяв снимок в руки, я пригляделась внимательнее. Странное чувство овладело мною. Это было мое лицо и вместе с тем не мое. Такую прическу я никогда не носила – волосы короче моих, распущены по плечам и слегка взбиты на затылке, скорее всего химическая завивка. Я волосы зачесывала назад и собирала либо в хвост, либо в затейливую косу (предмет моей гордости), а на фото у меня была челка до бровей. Такой яркой помадой я тоже не пользовалась (предпочитаю розовые тона), и фиолетового костюма в моем гардеробе не было. И все-таки это, без сомнения, мое лицо...

– Это я, – прозвучало не очень уверенно.

– Вы ошибаетесь, – вздохнул Кирилл Сергеевич. – Это Басманова Полина Витальевна. Она старше вас на четыре года, и только это обстоятельство не позволяет думать, что вы сестры-близнецы.

– Шутите, – удивилась я.

– Разумеется, нет. В фантастическом сходстве вы можете убедиться сами.

– Допустим, я убедилась. Что дальше?

– А дальше, Наташа, я бы хотел, чтобы вы некоторое время побыли вот этой женщиной. Так сказать, заменили ее. В знак признательности мы забудем вчерашнее происшествие.

– Мы? – растерялась я. – Кто это «мы»?

– Какая разница, – пожал плечами Кирилл Сергеевич. – Мы – это мы. Не забивайте себе голову. Ваше дело – исполнить порученную роль, а потом забыть все как дурной сон и жить себе преспокойно, ни о чем не думая.

– Вы говорите глупости, – твердо сказала я. – Во-первых, тот человек, что вчера попал под машину...

– Я ведь сказал: если мы договоримся, вы можете забыть о нем...

– Что значит забыть?

– Наташа, – перебил он, – все это совершенно несущественно. Я хочу одного: чтобы вы дали принципиальное согласие...

– Послушайте, я не дам никакого согласия, более того, я позвоню в милицию и...

– Сядете в тюрьму. Я вам не предлагаю ничего противозаконного.

– Выдавать себя за другого человека вполне законно?

– Это маленькая хитрость и ничего более. Наташа, – с состраданием вздохнул он, – на тот случай, если вы решите покинуть город, не поставив в известность меня: ваш паспорт и ваши деньги в моем кармане. Довольно глупо оставлять их в гостинице, хотя носить с собой еще глупее...

Я надолго замолчала, пытаюсь понять, что происходит. Совершенно ясно: я имею дело с людьми, для которых понятия законности и морали начисто отсутствуют. Кто это может быть? Какая-то секретная служба или жулики высокого

полета? В любом случае я вряд ли смогу добраться до милиции. Вспомнив странное поведение Светланы вчера вечером, я подумала, что несчастный случай вполне мог быть запланирован. И откуда на лесной дороге взялся этот человек, не могла же Светлана предугадать... Стоп, а что, если она ничего не предугадывала? Пьяного мужчину привезли в нужное место и в нужный момент толкнули под колеса... Господи боже... Кто этот тип, этот Кирилл Сергеевич? Он запасся фотографией жертвы и свидетелями происшедшего. Серьезный дядя. У него мой паспорт и мои деньги... Вернуться домой я не смогу и очень скоро окажусь на улице в незавидной роли бомжа. Конечно, я могу пойти в милицию и рассказать... что меня подставили? Потому что я на кого-то похожа?

– Кто эта женщина? – обреченно спросила я.

– Обычная женщина, – хохотнул Кирилл Сергеевич.

– Тогда почему я должна изображать ее?

– Видите ли, несколько месяцев назад она покинула своего супруга. Он в отчаянии и поручил мне найти жену, обещав большие деньги за труды.

– И что?

– Я ее нашел. На Канарах. В обществе очень симпатичного миллионера, с которым она не собирается расставаться.

– Рада за вас, – кивнула я, пытаюсь понять, врет он или говорит правду.

– Радоваться нечему, Наташенька, мне обещана премия

только в том случае, если я доставлю мадам безутешному супругу. Добиться ее возвращения в Россию возможным не представляется.

– И вы решили сжульничать?

– Я потратил много времени и денег, чтобы так просто отказаться от награды. Вы понимаете?

Почему-то сказанное им вызвало у меня облегчение: он обычный жулик, это не секретные службы и не бог весть что еще... Выходит, у меня есть шанс...

– Допустим, я согласна. И что дальше?

– Дальше все очень просто. Мы приезжаем к вашему мнимому супругу, я получаю свои деньги, а через некоторое время вы вторично покидаете его, теперь уже навсегда.

– А этот мой супруг, он что, слепоглухонемой?

– Рад, что вы не утратили чувства юмора, – съязвил Кирилл Сергеевич. – Ваш супруг вполне нормален.

– Тогда вы останетесь без премии. Допустим, я сменю прическу, но я ни за что не поверю, что муж не сможет отличить свою жену от чужой женщины. Это противоестественно. Кроме внешнего сходства, есть манера поведения, характер, общие воспоминания, наконец...

– Рад, что вы об этом заговорили. Общими воспоминаниями мы и займемся. У нас есть несколько дней, в течение которых вы должны превратиться из Натальи в Полину. Кстати, она предпочитала, чтобы ее называли Полли.

Я потеряла лицо ладонью и устало посмотрела в глаза Ки-

рилла Сергеевича.

– Я плохая актриса...

– Вам так кажется. В конце концов, можно и постараться, чтобы избежать тюрьмы.

– И как долго я должна выступать в этой роли?

– Пару часов, не больше. В течение этого времени я получу свои деньги, и вы свободны как ветер. Я верну вам паспорт, помогу купить квартиру и даже устрою на работу в таможне – это в моих силах. Так что, как видите, все честно...

– Вам что, миллион пообещали? – невесело усмехнулась я.

– Два, – серьезно ответил он.

– Наверное, ваш клиент безумно любит жену?

– Даже более того.

– Тогда ему ничего не стоит обнаружить подмену...

– Вы опять за свое? – Кирилл Сергеевич нахмурился. – Если вы приложите старание, никто ничего не обнаружит. В конце концов, это моя забота. Итак? – помедлив, спросил он. – Свобода и благополучная жизнь или тюрьма и масса прочих неприятностей?

– А у меня есть выбор? – спросила я с усмешкой.

– Нет, конечно, – усмехнулся в ответ он. Достал сотовый телефон из кармана и сказал кому-то отрывисто: – Поднимись в номер.

Через несколько минут в номер вошел рослый парень с плоским, точно смазанным лицом. Узкие губы на нем каза-

лись бесцветными, глаза были скрыты темными очками. Общее впечатление крайне неприятное. До его появления мы сидели молча; когда он вошел, Кирилл Сергеевич поднялся и сказал:

– Иван, Наташа едет с нами. Помоги ей собрать вещи.

Он вышел, не оглядываясь, а Иван, привалившись к двери, сложил на груди руки и вроде бы задремал. Я сидела и рассматривала пол. Было ясно, что мой отказ покинуть гостиницу будет воспринят отрицательно и я могу пострадать – например, вывалиться из окна.

– У нас нет времени, – с нажимом заметил Иван.

Я поднялась и стала собирать свои вещи.

Меня привезли на ту самую дачу, на которой мы отдыхали вчера, выделили комнату, где я и жила последующие пять дней. В продолжение этого времени я старательно тренировалась по восемнадцать часов в день. В основном Кирилла Сергеевича беспокоил мой голос – он разительно отличался от голоса Полины Басмановой. Часами я слушала магнитофонные записи и старательно их копировала. Записей было немного: три ничего не значащих телефонных разговора с каким-то Максимом. Вслушиваясь в высокий манерный голос женщины, я пыталась представить, что она за человек. Некоторые слова Полина произносила неправильно, путала ударения и падежи, в выражениях не стеснялась. Ей очень подошла бы роль уличной торговки, но это отпадало: мужья

уличных торговек не выплачивают миллионных премий. С первого дня пребывания на даче мне было запрещено говорить своим голосом, и через три дня я уже сносно копировала Полину. По крайней мере, Кирилл Сергеевич остался доволен. «Уроки» он проводил лично, на присутствие в доме Ивана намекали едва слышные шаги да шорох на кухне. Правда, стоило мне подойти к двери на улицу или оказаться на веранде, как Иван сразу же появлялся следом, из чего нетрудно было заключить, что он мой цербер.

– Вы курите? – в первый же вечер спросил Кирилл Сергеевич, когда мы сделали небольшой перерыв в занятиях.

– Нет.

– Придется начать. Полина курила почти непрерывно. – Употребление глагола в прошедшем времени почему-то здорово напугало.

– Она могла бросить курить, разве нет? – пытаюсь успокоиться, усмехнулась я.

– Только не Полина. Она обожает дурные привычки.

– Вы хорошо ее знали? – задала я вопрос, сообразив, что это подходящий случай что-нибудь разведать.

– Да. Некоторое время мы виделись довольно часто. Вам придется сменить походку. Полли двигалась как манекенщица.

– Боюсь, я плохая актриса, я же говорила...

– У вас все отлично получится.

Я училась говорить как Полина, ходить как Полина, си-

деть как Полина и даже начала курить. От табака меня тошнило, а манера держать мундштук в вытянутой руке казалась нарочито жеманной. Все чаще я думала о неведомой Полине, иногда мне казалось, что какая-то часть ее существа теперь живет во мне. Оставаясь одна, когда лицедействовать не было смысла, я вдруг сбивалась с шага и шла, подражая ее походке, или поднимала плечи, скрестив руки на коленях, когда сидела в кресле. Однажды вечером, когда я стояла возле открытого окна и смотрела на звезды, рука вдруг сама потянулась к сигаретам. Я нервно хихикнула и поспешила лечь спать.

Дни следовали один за другим, а меня все чаще одолевали сомнения: смогу ли я выполнить навязанную роль? Кирилл Сергеевич нисколько об этом не беспокоился, в ответ на мои слова едва заметно улыбался и говорил: «Не забивайте голову, Наташенька». Его отношение ко мне тоже было загадкой: ровное, предупредительное, очень терпеливое, иногда казалось, что он искренне ко мне привязался. Вместе с тем я дважды ловила его взгляд в зеркале, когда он считал, что я не вижу его лица. Признаться, от такого взгляда становилось не по себе. Одно ясно – на кон поставлены действительно большие деньги, и если я вдруг откажусь... очень возможно, что навсегда исчезну, тем более что искать меня будет некому, и Кириллу Сергеевичу об этом хорошо известно.

Все мои попытки побольше разузнать о Полине и ее муже наталкивались на вежливое, но стойкое сопротивление.

– Вам это совершенно ни к чему, – отвечал Кирилл Сергеевич.

– Но ведь я должна знать об этих людях все...

– Вы забываете, что изображать Полину вам придется пару часов, не более.

– За пару часов нормальный человек способен понять, что ему подсунули двойника вместо жены. Есть привычки, которые знают только очень близкие люди...

– Я вам уже говорил: не волнуйтесь на этот счет. Отношения между ними давно разладились, их брак чистая фикция.

– Почему же он так настойчиво желает вернуть жену?

– Понятия не имею. Может, просто не хочет, чтобы она развлекалась на Канарах, он довольно самолюбивый человек... И больше не будем об этом. Вы приедете к своему мнимому мужу, выкажете неудовольствие от встречи с ним, желательно в свойственной Полине манере, и удалитесь в свою комнату. План расположения комнат я вам нарисую позднее. Ну так вот, вы удалитесь, я получу свои деньги, а потом Ваня поможет вам покинуть дом, вот и все.

– Ваня тоже там будет? – насторожилась я.

– Разумеется. Мы все там будем.

План дома, где жила Полина, впечатлял. Особняк со множеством комнат, бильярдная в подвале, сауна и настоящий бассейн.

– Кто этот человек? – в который раз спросила я.

– Какой? – хмыкнул Кирилл Сергеевич.

– Прекратите. Кто он?
– Скажем, он очень богат. Вас устроит мой ответ?
– Хорошо. Тогда по-другому: на чем он разбогател?
– Сие мне неизвестно. Клянусь. В настоящее время он отошел от всех дел, живет уединенно, почти не покидает дом, общается с ограниченным кругом людей и очень желает вернуть свою жену. Для того чтобы в течение двух часов изображать Полину, вы знаете достаточно.

Я проснулась довольно поздно, около девяти, и удивилась: Кирилл Сергеевич был ранней птахой, и обычно в это время мы уже начинали занятия, а сегодня меня почему-то не разбудили. Не успела я подумать об этом, как в дверь настойчиво постучали и в комнату вошел Кирилл Сергеевич – надо сказать, впервые за то время, что я жила здесь.

– Доброе утро, – улыбнулся он не как обычно, краешком губ, а широко и вроде бы даже счастливо.

– Случилось что-нибудь? – спросила я, натягивая одеяло до подбородка.

– В общем, да... Мы едем к вашему мужу.

– Сегодня? – Голос мой дрогнул.

– Через полтора часа. Надеюсь, этого времени вам хватит на сборы. Помните, что я говорил о косметике... Жду в гостиной. – Он развернулся, чтобы уйти, а я позвала испуганно:

– Кирилл Сергеевич...

– Не волнуйтесь, у вас все получится. И не забудьте: вы теперь Полина, Полли – ей так больше нравится.

Он вышел, а я некоторое время лежала, глядя в потолок, затем отправилась в ванную. Вернувшись оттуда, обнаружила на кровати два чемодана с поднятыми крышками, в обоих была женская одежда. Покопавшись немного, я констатировала, что со вкусом у Полины проблемы: много дорогого и совершенно, с моей точки зрения, бесполезного тряпья. Я выбрала легкий костюм, белый в черный горошек, приготовила плащ (с утра было пасмурно) и устроилась перед зеркалом. Расчесалась, нанесла на лицо макияж, потом щелкнула замками чемоданов и, прихватив плащ, спустилась вниз (чемоданы я оставила в комнате, не хватает только самой их таскать, когда в доме двое мужчин).

Кирилл Сергеевич ждал в гостиной, сидя в кресле перед телевизором. Он критически оглядел меня с ног до головы и удовлетворенно кивнул.

– Отлично. По дороге заедем в парикмахерскую, и тогда вас родная мать не различит. – Он как-то странно хихикнул, выключил телевизор и позвал: – Иван.

Тот незамедлительно появился с чемоданами в руках. Возле крыльца стоял «Мерседес» черного цвета. Загрузив чемоданы в багажник, Иван сел за руль, а мы с Кириллом Сергеевичем устроились сзади. Я сцепила пальцы, чтобы не видеть, как они дрожат.

– Волнуетесь? – Кирилл Сергеевич коснулся рукой моих

ладоней и легонько их сжал.

– Волнуюсь, – зло ответила я.

– Все будет хорошо. Вот увидите.

Почему-то я в этом сильно сомневалась.

Дом, где жил мой мнимый супруг, находился в центре города. С проспекта мы свернули на улицу поменьше, я успела прочитать название: Покровская. Слева промелькнуло здание банка, затем школа и несколько жилых домов. Дорога вывела нас к церковной ограде, мы, следуя вдоль нее, свернули налево. Местность здесь холмистая, дорога спускалась вниз, в сторону реки, мы оказались в тихом переулке и притормозили возле металлических ворот. В переулке стоял только один дом, до центральной улицы несколько минут прогулочным шагом, но ощущение было, что мы где-то за городом. Церковь на холме, прямо под нами еще одна улица, но, чтобы попасть на нее, нужно сделать приличный крюк, и никакого жилья по соседству. Огромный дом фасадом на церковь был обнесен высокой оградой из красного кирпича. Чугунные ворота, рядом калитка с переговорным устройством.

Иван посигналил, ворота открылись, и мы въехали во двор. Теперь дом был хорошо виден и поражал не только размерами, но и архитектурой. Должно быть, проектировал его сумасшедший: прямоугольная башня в центре и две круглые по бокам соединены между собой двухэтажными строения-

ми с высокими покатыми крышами. В целом сооружение напоминало европейский замок эпохи крестовых походов или тюрьму. Тюрьму почему-то больше. Сходство подчеркивали тяжелые ставни на окнах и решетки в узких бойницах боковых башен. Окна центральной башни были стрельчатыми, с зеркальными стеклами. Хозяин – оригинал, но одно несомненно: здесь не просто большие деньги, это чертово сооружение обошлось владельцу в сумасшедшую сумму.

Мои размышления прервало появление собак: три добермана с громким лаем выскочили из-за ближайшей башни, я испуганно посмотрела на Кирилла Сергеевича, а он торопливо сказал:

– Не беспокойтесь, собаки здесь недавно...

Вслед за собаками появился высокий светловолосый парень в джинсах и черной водолазке. Он кивнул нам, отогнал собак, и мы вышли из «Мерседеса». На ногах я едва стояла, и первый шаг мне дался с большим трудом.

– Не волнуйтесь, – шепнул Кирилл Сергеевич. – Все просто отлично. И помните: вы у себя...

Парень распахнул широкую дубовую дверь и первым вошел в дом. Мы оказались в огромном холле. Узкие окна-бойницы с решетками, несмотря на весенний день, почти не давали света, бронзовые бра терялись на стенах из красного кирпича, так что холл выглядел невероятно мрачным.

– Алексей Петрович в библиотеке, – сказал наш провожатый, и мы стали подниматься по лестнице, затем прошли

длинным темным переходом с низкими сводами и оказались в центральной башне.

Если я ничего не напутала с планом, библиотека находилась на втором этаже. Парень распахнул перед нами дверь, и мы вошли в огромную комнату с двумя стрельчатыми окнами. Три стены комнаты были заняты книжными полками от пола до самого потолка. Я пробежалась взглядом по корешкам книг и не сразу обратила внимание на хозяина: он сидел в кресле рядом с журнальным столом, заваленным газетами. На столе горела лампа: несмотря на время суток, в библиотеке было темно, по крайней мере для того, чтобы читать.

– Добрый день, Алексей Петрович, – сказал Кирилл. Парень как-то незаметно исчез, а я, вспомнив инструкции, села в кресло, закинула ногу на ногу и закурила, не глядя на предполагаемого мужа. Зато он смотрел на меня очень пристально.

Я здорово нервничала, боясь, что он заметил, как у меня дрожат руки, дважды чиркнула зажигалкой без всякого толку и с остервенением запустила ею в стену напротив.

– Черт...

– Здравствуй, Полли, – сказал Алексей Петрович. Голос звучал тихо, в нем слышались странные просительные интонации. Он помедлил и добавил виновато: – Извини, что не вышел тебя встречать.

– Как-нибудь переживу, – огрызнулась я. Он замолчал, по-прежнему приглядываясь, а я возвысила голос: – Кто-нибудь

даст мне наконец прикурить?

Кирилл Сергеевич торопливо чиркнул зажигалкой, а потом отошел к окну и замер спиной к нам.

– Я очень рад, что ты вернулась, дорогая, – сказал Алексей Петрович.

– В самом деле? А вот я не очень. Меня тошнит от этого дома. Вроде бы я уже говорила об этом? Нет? Так вот: меня тошнит от этого дома, и я ничуть не рада, что вернулась. Но раз уж мне все-таки пришлось вернуться, я рассчитываю на то, что меня оставят в покое... – Я поднялась с намерением покинуть библиотеку, Алексей Петрович попытался приподняться в кресле, вскрикнул: «Полли!» – и вдруг рухнул на пол. Кирилл бросился к нему, а я замерла с открытым ртом, потому что только сейчас сообразила: человек, сидящий в кресле с закутанными в плед ногами, был инвалидом и не мог передвигаться без посторонней помощи. Кирилл Сергеевич усадил его в кресло, поправил плед на коленях и сказал тихо:

– Успокойся, Алексей, прошу тебя. Она здесь, это главное, поверь, все образуется...

– В самом деле, к чему такие волнения? – сказала я, плюхнувшись обратно в кресло и изо всех сил стараясь скрыть охватившее меня замешательство. – В этом доме найдется выпить? – спросила я.

Выпивка была необходима для того, чтобы справиться с волнением, а главное – выиграть время. Кирилл Сергеевич

подошел к резному столику в глубине библиотеки, на котором стояло несколько бутылок, налил коньяка в два стакана, вопросительно посмотрел на Алексея Петровича – тот покачал головой, и Кирилл направился ко мне, на некоторое время заслонив собой моего предполагаемого мужа. Воспользовавшись этим, я одарила своего сообщника таким взглядом, что он поспешно отвел глаза и даже не рискнул приблизиться вплотную, протянул коньяк и отступил.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал Алексей Петрович, по-прежнему пристально глядя на меня. – Гораздо лучше, чем перед отъездом. Путешествие пошло тебе на пользу.

– Мне обязательно выслушивать всякие глупости или я могу пойти к себе и отдохнуть? – скривила я губы.

– Извини, я должен был подумать об этом. – Алексей Петрович попытался приподняться, Кирилл ухватил его за плечо, сдерживая порыв, а он попросил: – Пожалуйста, подойди ко мне.

Я поднялась и нерешительно замерла возле кресла. Кирилл, настороженно следя за мной, едва заметно кивнул, и я сделала шаг, потом второй... В конце концов, мне ничего не оставалось, как подойти к нему, хотя это и не входило в мои планы. Сердце учащенно забилось, а я вдруг подумала испуганно: «Он все понял». Сейчас я выйду на свет, падающий от окна, и он убедится в подмене... «Ну и черт с ним, – решила я неожиданно зло. – Пусть Кирилл объясняет, что это за дурацкий маскарад. Мне он точно не по душе».

Теперь я стояла вплотную к креслу. Алексей Петрович взял мою руку, при этом глядя мне в глаза, легонько сжал ее, а потом поцеловал.

– Я очень рад, что ты вернулась... Может быть... может быть, пообедаем вместе? Как в старые добрые времена? – собрался он с силами.

– Посмотрим, – нахмурилась я, освобождая руку, и торопливо зашагала к двери. Меня слегка покачивало, и я всерьез опасалась упасть в обморок, но библиотеку все же покинула благополучно и смогла перевести дух.

Кирилл остался с Алексеем Петровичем, а я огляделась: длинный мрачный коридор был пуст. Постояв с минуту и успокоившись, я попробовала сориентироваться и отправилась коридором в левую башню, где находилась моя предполагаемая комната.

В доме было до того тихо, что шаги звучали так, точно двигалась я не в жилом помещении, а в огромном погребке. «У моего муженька не все дома, – решила я к концу пути. – Надо быть психом, чтобы построить этот замок, и трижды психом, чтобы в нем жить».

В комнату вела двустворчатая дубовая дверь. Я распахнула ее, вошла в просторное помещение без углов с тремя узкими окнами, забранными решетками, и присвистнула. Комната была битком набита дорогой испанской мебелью: огромная кровать с розовым балдахином, комод с круглыми блестящими боками, бюро у окна с роскошным позолочен-

ным подсвечником, зеркало в черной резной раме, две тахты на гнутых ножках, пяток стульев в стиле ампир, тяжелые портьеры цвета спелой сливы и серо-голубой ковер на полу. Несмотря на огромные деньги, вложенные во все это добро, комната выглядела тюремной камерой. Дело было даже не в решетках на окнах, а в общем духе комнаты – мрачном и вызывающем стойкое неприятие. Плотно закрыв дверь, я прошла и внимательно все осмотрела: ни одной книги, журнала или клочка газеты. В бюро стопка бумаг и дорогой офисный набор. Ни записной книжки, ни писем, ни открытки к празднику, никаких фотографий, милых безделушек и прочей чепухи, которыми всегда полны комнаты женщин, к тому же богатых женщин – а Полина, безусловно, была одной из них.

Я открыла дверь слева и оказалась в гардеробной: десятков платьев, две шубы в чехлах, шляпные коробки, на полке внизу туфли разных цветов. Туфли совершенно новые, такое впечатление, что их ни разу не надевали. А вот платья носили, это было заметно, хоть и содержались они в безупречном виде.

Еще одна дверь вела в ванную. Множество зеркал отразило мое изумленное лицо: такого видеть мне еще не приходилось. Огромная круглая ванна, больше похожая на бассейн, душ, белый пушистый ковер на полу, стены, отделанные зеркалами с позолотой и мрамором. Не удержавшись, я покачала головой. Может, стоит залезть в ванну перед тем, как покинуть дом, если уж такое счастье привалило? Ухмыляясь,

я вернулась в комнату. Задержалась перед туалетным столиком – косметики килограмм десять, не меньше. Очень дорогая тюрьма, но все-таки тюрьма. Полина сбежала отсюда, и я не могла ее осуждать за это, хотя встреча с Алексеем Петровичем далась мне нелегко, сама я вряд ли была бы способна бросить человека в его положении. Впрочем, не удивлюсь, если у нее имелась веская причина сделать это. Я знала Полину только со слов Кирилла Сергеевича, ничего в комнате не указывало на особенности ее характера, так что я скорее всего покину этот мрачный дом, так и не узнав разгадки. Что меня, честно говоря, не очень огорчит, хоть я от природы и любопытна, но уж больно здесь жутковато...

Я села в кресло напротив огромного телевизора «Сони», включила его, но тут же вновь нажала кнопку пульта, с усмешкой подумав, что телевизор здесь выглядит инородным телом. Сложив на груди руки и прикрыв глаза, я ждала, когда за мной явится Иван и я покину эту комфортабельную тюрьму.

Примерно через час дверь без стука открылась, и вошел Кирилл Сергеевич. Я с удивлением посмотрела на него: первоначальный план его визита не предполагал. Кирилл должен был получить свои деньги и отбыть восвояси, а Иван вывести меня незаметно черным ходом.

– Что-нибудь случилось? – спросила я, торопливо поднимаясь ему навстречу.

– Все в порядке. Вы были бесподобны. Признаться, я

очень волновался... как оказалось, зря.

– Тогда почему вы здесь? – Я вдруг испугалась, точно Кирилл Сергеевич был вестником несчастья. – Вы получили деньги?

– Видите ли...

– Вы получили деньги? – резко перебила я, вцепившись рукой в спинку кресла.

– Нет, – спокойно ответил он. – Пока нет. Для этого необходимо время. Прошу вас, сядьте.

– Ничего не желаю слушать. – Я облизнула губы, пытаюсь справиться со страхом и раздражением, вздохнула и продолжила: – Почему вы ничего не сказали мне о том, что он инвалид?

– А что бы это изменило? – поднял брови Кирилл Сергеевич.

– Что значит «изменило»? – разозлилась я. – Мне отвратительна мысль о том, что...

– Разумеется. – Он усмехнулся, а потом, по обыкновению, хихикнул, что, надо сказать, вышло довольно подло. – Вы готовы облапошить здорового человека, а инвалида вам совесть не позволяет.

– Моя совесть – моя забота, – огрызнулась я: он был прав, и это буквально доводило до бешенства. – Но предупредить вы были обязаны.

– Извините, – ответил он миролюбиво. – Ваш муж... то есть муж Полины – инвалид, уже несколько месяцев он не в

состоянии передвигаться без посторонней помощи. Это одна из причин, почему Полина покинула его.

– А другие причины?

– Какая разница? – пожал Кирилл плечами, прошелся по комнате и вдруг спросил: – Вам здесь нравится?

– Разумеется, нет.

– В самом деле? – Он вроде бы удивился. – Почему «разумеется»?

– Потому что это не дом, а склеп какой-то. А комната здорово смахивает на тюрьму.

– Очень жаль, – он искренне огорчился, – потому что вам придется пожить здесь некоторое время. Впрочем, вы можете переделать ее по своему усмотрению, сменить мебель...

– Что? – пролепетала я. – Что вы сказали?

– Я сказал: вы можете сменить мебель или подобрать для себя другое помещение...

– Не валяйте дурака. Что вы сказали? Мне придется пожить здесь?

– Да. Некоторое время.

– Послушайте, вы спятили, – теряя твердость, залепетала я. – В конце концов, мы так не договаривались.

– Кое-что изменилось. Вам придется провести здесь неделю-другую.

– Вы точно спятили, – опускаясь в кресло, пробормотала я.

– Нет, я не спятил. И, честно говоря, не понимаю, почему

вы так убиваетесь. Рассматривайте это как небольшой отдых в пансионате.

– Идите к черту, – твердо заявила я, встала и направилась к двери. – Я уйду. – Я толкнула дверь и увидела Ивана. Он стоял, сунув руки в карманы замшевой куртки, и исподлобья наблюдал за мной. – Отлично, – я засмеялась. – Вы намерены держать меня здесь силой? По-моему, не очень удачная идея. В конце концов, я просто расскажу о вашей милой шутке своему... супругу. В этом случае вы сможете получить свои деньги?

– Боюсь, что не могу вам этого позволить, – вкрадчиво заметил Кирилл Сергеевич.

В то же мгновение Иван ухватил меня за волосы и ударил коленом в живот, я охнула, согнувшись пополам, а он втащил меня, точно мешок, в комнату и закрыл дверь. Я пыталась отдышаться, а Кирилл Сергеевич неторопливо подошел, наклонился к моему лицу и сказал:

– Кажется, вы еще ничего не поняли, Наташенька. Так вот: либо вы делаете то, что вам говорят, либо... либо вы покинете этот дом вперед ногами. Знаете, какой-нибудь несчастный случай: падение с лестницы, например. Лестницы здесь такие, что вполне можно сломать шею. Вы не находите?

– Нахожу, – усмехнулась я, вглядываясь в его физиономию и диву давалась, как я могла находить ее приятной. – И мой вам совет: смотрите сами не свалитесь, ваша шея вряд ли крепче моей.

Кирилл засмеялся, а его помощник отвесил мне пинка. Я потихоньку заскулила, а когда Иван удовлетворенно расслабился, резко приподнялась и двинула ему локтем в известное место. Он скрючился и взвыл, причем гораздо красочнее, чем я минуту назад. Я встала с пола и предупредила:

– Еще раз до меня дотронешься, ублюдок, – проломлю тебе голову. Коридоры здесь темные, и проделать это будет нетрудно: выслежу и убью.

– Bravo, – сказал Кирилл, глядя на меня с заметным удовольствием, впрочем, может быть, удовольствие он симулировал в ему одному ведомых целях.

Иван, перестав поскуливать, выпрямился и теперь ждал, с вожделием взирая на хозяина: разрешат ему свернуть мне шею или придется подождать.

– Выйди, – приказал Кирилл Сергеевич, и тот покинул комнату с крайней неохотой. – Признаюсь, вы меня удивили, – продолжил он, удобно расположившись в кресле. – Оказывается, я кое-что не разглядел в вас... Что ж, давайте поговорим начистоту. Мне неловко повторять свои угрозы по поводу тюрьмы и прочего, хочу только заверить, что все чрезвычайно серьезно, это во-первых, а во-вторых, дело, из-за которого вы здесь находитесь, для меня исключительно важно, говоря проще, я могу получить большие деньги, а это весьма серьезный аргумент, как вы понимаете. Поэтому предупреждаю: при малейшей попытке навредить мне вы покинете этот свет, как говорится, в самом расцвете жизненных

сил. Я противник радикальных мер, но колебаться не стану и секунды. Все ясно?

– Более или менее, – усмехнулась я. – Идея с лестницей выглядит неплохо, только вряд ли моя ранняя кончина придется по душе моему мужу, особенно если я оставлю подробное письмо на случай неожиданной смерти.

– Оставляйте что угодно, – захихикал Кирилл. – Если я лишусь денег, вряд ли это взволнует меня особенно сильно. Ваш супруг скорее всего отправится вслед за вами. Безутешный вдовец кончает жизнь самоубийством на трупе любимой жены – такое случается, верно?

В продолжение этой речи я вглядывалась в его лицо и вынуждена была признать, что этот загадочный Кирилл скорее всего не блефует и обещание сдержит.

– Может быть, вы все-таки объясните, с какой стати я должна остаться? – подумав немного, проворчала я.

– Не забивайте себе голову. Чем меньше вы знаете, тем мне спокойнее, и поверьте: вам тоже.

– Хотите обобратить инвалида? – хмыкнула я, надеясь, что он разозлится и это развяжет ему язык.

– У вас сложилось искаженное представление о вашем, с позволения сказать, муже. Он далеко не так беспомощен, как вам показалось.

– Кто он?

– Вы уже задавали этот вопрос. Очень богатый человек, из-за болезни отошедший от дел, сейчас в основном зараба-

тывается консультациями, поэтому появление гостей в доме не должно удивлять. Это все, что вам необходимо знать.

– Когда я смогу покинуть этот дом?

– И об этом мы уже говорили: неделя-другая, и вы свободны как ветер. Причем, проявляя добрую волю, внакладе не останетесь. Скажем, пятьдесят тысяч премии вас устроят? Долларов, разумеется.

Кажется, рот у меня непроизвольно открылся, а под ложечкой тоскливо засосало: во что, черт возьми, я умудрилась вляпаться?

Я потеряла переносицу и спросила, стараясь создать у Кирилла впечатление, что обещанная премия произвела нужный эффект и теперь я просто забочусь о том, чтобы исполнить свою роль без сучка без задоринки:

– Две недели – очень большой срок, вполне достаточный для того, чтобы мой предполагаемый муж смог заподозрить неладное. Я из-за двух часов здорово волновалась, а тут две недели...

– Вам совершенно необязательно видаться часто. Полина всячески избегала своего мужа. Разве что иногда поужинаете с ним, не более того. В случае чего сделайте вид, что у вас плохое настроение и вы не желаете разговаривать. Должен сказать, сегодня в библиотеке вы вели себя превосходно. Уверен, несколько дней вы продержитесь.

– А если после ужина он попросит меня остаться? – усмехнулась я. – Имейте в виду: в этом случае ваших пятидесяти

тысяч будет явно недостаточно.

– Исключено, – покачал головой Кирилл. – Он инвалид, сексуальных домогательств вам нечего опасаться, да и Полина весьма небрежно относилась к своим супружеским обязанностям, так что, если вы пошлете его к черту, ручаюсь, Алексей нисколько не удивится.

– А проживая здесь, Полина постоянно сидела взаперти? – задала я очередной вопрос.

– Нет, конечно...

– Тогда ее подруги, знакомые...

– Ее мало кто навещал, у нее, знаете ли, был паскудный характер. – Кирилл хохотнул, а я вновь насторожилась при слове «был». Почувствовав это, он поправился: – Не думаю, что она изменилась за несколько месяцев... В общем, близких друзей у нее нет. Возможно, кто-то позвонит по телефону, от встреч придется отказаться, это в самом деле опасно. Уверен, вы сможете поддержать разговор и придумать причину своего нежелания встречаться с этим человеком. Надеюсь, больше вопросов нет?

Он поднялся. Вопросов было множество, но стало ясно: отвечать на них мне придется самой. Что ж... Однако кое-что выяснить надо сейчас.

– Я могу покидать комнату?

– Разумеется.

– Я могу выходить из дома?

– Старайтесь не злоупотреблять этим. И, естественно, вас

будут сопровождать.

– Вы будете жить в доме?

– Да, – помедлив, видно, пытаюсь понять, куда это я клянню, ответил он, а я удовлетворенно кивнула.

– Договорились. Я помогаю вам и получаю свои пятьдесят тысяч. И еще... Скажите Ивану, чтобы не торчал у меня за спиной, это здорово действует на нервы.

Кирилл уже открыл дверь, взглянул на часы и напомнил:

– Через час вас пригласят обедать, думаю, приглашение следует принять.

Он вышел и осторожно прикрыл за собой дверь, а я осталась сидеть в кресле, пялясь на ковер под ногами и пытаюсь отгадать, что за игру затеял Кирилл Сергеевич. Очень скоро мне стало ясно: с тем количеством знаний и наблюдений, что я имею на сегодня, это бесполезное занятие.

– Что ж, – вслух сказала я, чтобы себя подбодрить. – Займись сбором информации.

Через сорок пять минут, в продолжение которых я по-прежнему сидела в кресле, меня позвали обедать: в дверь постучали, я ответила «да» и увидела на пороге молодого человека, одетого в темный костюм.

– Алексей Петрович просил вас спуститься в столовую, – по-женски высоким голосом сказал он и посмотрел выжидающе.

– Сейчас иду, – кивнула я и пошла в гардеробную переодеваться. По моим представлениям, богатая женщина вряд

ли появится за столом в том же костюме, в котором проделала длительный путь. Я выбрала темно-синее платье (оно было чуть-чуть широковато в талии) и черные туфли, вновь обратив внимание на то, что обувь совершенно новая, а самое главное – моего размера. Впрочем, чему тут особенно удивляться: у миллионов людей в мире тридцать шестой размер обуви, почему бы и Полине не иметь такой же?

Столовая представляла собой самое мрачное помещение в доме. Длинная узкая комната с окнами с одной стороны, завешанными тяжелыми шторами. Огромный стол, стулья с высокими спинками. За стол мы сели втроем: Алексей Петрович, я и Кирилл. Подавал парень в светлой куртке, чем-то похожей на ливрею, типичный официант, однако выражение лица и взгляд, брошенный им на хозяина, меня насторожили. Как-то угадывалось, что держать в руках, например, обрезок трубы для него привычнее, чем поднос. Пока я не видела в доме ни одной женщины, зато успела познакомиться с тремя малосимпатичными молодыми людьми, и это не считая Ивана и таинственного Кирилла Сергеевича. Дом стал еще больше походить на тюрьму, где главный заключенный, возможно, – сам хозяин. Господи, что же они затеяли?

– Как планируешь провести вечер? – вдруг спросил Алексей Петрович. Голос прозвучал так, точно неожиданно ударили в колокол, – вот ведь чертово место.

– Собираюсь лечь спать, – хмуро ответила я. – Устала с

дороги. Может, немного погуляю в саду. Ты, разумеется, хочешь, чтобы я безвылазно сидела в этом жутком доме?

– Вовсе нет, – испугался он. – Мне бы только хотелось... может быть, сегодня вечером мы немного посидим вдвоем? Тебе ведь есть что рассказать мне?

– Рассказать? – Я презрительно усмехнулась. – Мне совершенно нечего тебе рассказывать. Но если ты так желаешь, я зайду в библиотеку. Ужасный обед, – добавила я, поднимаясь из-за стола, и отправилась в свою комнату, но перепутала двери и оказалась в кухне. Тот самый парень в темном костюме, что звал меня обедать, сидел за столом и пил кофе, просматривая газету. При моем появлении он поднял голову и уставился вопросительно.

– Я хотела выйти в сад, – рывкнула я. – Кто-нибудь уберет этих кошмарных собак?

Парень нехотя поднялся и пошел к стеклянной двери, которая как раз выходила в сад, а я заглянула в дверь по соседству. За ней оказалась большая кладовая, на полке слева я заметила фонарик. Никогда не знаешь, что в жизни пригодится, – я взяла фонарик и покинула кухню, пока парень не вернулся. Никого не встретив в коридорах, я добралась до своей комнаты, спрятала фонарик под кровать и выглянула в окно. Собачки вроде бы отсутствовали, может, в самом деле стоит немного прогуляться?

Из башни должен быть выход в сад, я быстро сориентировалась и нужную дверь нашла сразу. Только оказавшись на

улице, я по-настоящему поняла, как тяготит меня этот дом, и вздохнула с облегчением, подняв голову к голубому небу. Сад вовсе не был садом – несколько старых деревьев в разных частях довольно обширного пространства, сохранившиеся еще с тех времен, когда монстра из красного кирпича здесь и в помине не было. На колокольне ударили в колокол, я вздрогнула от неожиданности и посмотрела на часы: половина пятого, должно быть, сейчас начнется вечерняя служба. Я стояла, слушала, глядя на церковную колокольню, белой свечой устремившуюся в небо, потом перевела взгляд на дом. Трудно представить более неподходящее соседство.

Сад я осмотрела за десять минут и не нашла в нем ничего интересного, но еще с полчаса исправно вышагивала от дома к забору, потому что возвращаться в свою комнату не было ни малейшего желания. Обогнув дом, я оказалась перед очень странным сооружением: кирпичное, наполовину врытое в землю, слева высокая труба – тоже из красного кирпича, со стороны фасада ее не увидишь, а вот отсюда рассмотреть ее не составило труда. Однако приблизиться к чуду архитектуры мне не удалось. Металлическая дверь, к которой спускались пять ступеней, вдруг открылась, и моим очам предстал тот самый парень, что пил в кухне кофе. Он подозрительно посмотрел на меня, а я, вздернув подбородок, прошла мимо. Парень проводил меня взглядом и еще некоторое время стоял на углу, как видно, пытаясь решить, что я затеяла. Если честно, я и сама не знала. За сооруже-

нием с трубой, которое скорее всего было котельной, потому что ни на что другое просто не походило, оказалась асфальтированная площадка и еще одни ворота, поменьше и не такие красивые, как те, через которые мы въезжали. Возле кирпичной ограды стояли мусорные контейнеры. Неудивительно, что глаза у парня на лоб полезли: что могло понадобиться хозяйке в таком месте? Хотя, может, для него я как раз и не хозяйка, а заключенная. Повертев головой, я совсем было собралась покинуть дворик, но у контейнера вдруг что-то зашуршало, и послышалось жалобное мяуканье. Подойдя поближе, чтобы понять, в чем дело, я увидела котенка. Он сидел в наполовину заполненном контейнере и орал, потому что не мог вылезти.

– Подожди, глупыш, – усмехнулась я, – сейчас я тебе помогу.

Я пошарила вокруг глазами, увидела деревянный ящик, подтащила к контейнеру и, взобравшись на него, стараясь не испачкать платье, нагнулась, чтобы достать котенка. Тот повел себя неожиданно: фыркнул, выпустил когти и попытался спрятаться.

– Что ты делаешь? – принялась я увещевать неразумное животное. – Я же тебе помогаю.

Кот уговорам не внял, но я все-таки сумела ухватить его за шкурку и вытащить из контейнера. Вместо благодарности он исцарапал мне руку, вырвался и стрелой бросился со двора, протиснувшись в щель под воротами. Я только голо-

вой покачала и, честно сказать, на котенка обиделась, потому что рассчитывала оставить этого зверя у себя: вдвоем, как известно, веселей, да и друг в такой ситуации, как моя, не помешает, даже если он такой маленький. Кот рассудил иначе, и теперь я стояла на ящике возле контейнера и качала головой. Пора было уходить отсюда, вряд ли котенок вернется. Еще раз вздохнув, я неожиданно обратила внимание на содержимое контейнера: в основном это были коробки из-под обуви. Я достала одну и повертела в руках. Итальянская фирма, тридцать шестой размер. Коробок штук десять, размер один и тот же, но фирмы разные. Я вспомнила о туфлях в гардеробной. Совершенно новые туфли, а вот это коробки из-под них. Ну и что? Трудно ответить, почему это меня так насторожило.

Торопливо покинув двор, я минут пятнадцать бродила в саду, мысленно возвращаясь к туфлям и коробкам, озарения не удостоилась и вернулась в дом. Заперла дверь в своей комнате и еще раз тщательно ее осмотрела. Ничего такого, что бы могло подтолкнуть меня к разгадке. Запретив себе ломать голову, я отправилась в ванную и около часа наслаждалась предложенным комфортом, здраво рассудив, что для построения версии нужны факты, а у меня пока ни одного. Туфли и эти дурацкие коробки, безусловно, имеют какое-то значение, но сейчас лучше о них не думать. Есть дела поважнее, например, надо решить, как вести себя с хозяином. Из разговора с Кириллом можно сделать вывод: ему

грозит опасность, скорее всего не меньшая, чем мне. Как его предупредить? И станет ли он доверять незнакомой женщине, купленной врагами, чтобы сыграть роль его жены? Я бы на его месте поостереглась. К тому же моя откровенность может нам дорого стоить: Кирилл не скрывал возможных последствий. Велика вероятность, что телефоны прослушиваются, да и в комнатах могли насовать всякой дряни (конечно, это здорово похоже на шпионский фильм, но, когда речь идет о больших деньгах, люди на многое способны). Выход один: заставить его усомниться в том, что я Полина. Мысль показалась мне удачной. Еще немного поразмышляв и попытавшись составить подобие плана действий, я торопливо оделась и пошла в библиотеку.

Свет горел, но в комнате никого не было. Я сняла с полки том Гранта «Классическая Греция» и устроилась в кресле. Минут через двадцать дверь распахнулась, и тип в темном костюме, с которым мы сегодня встречались уже в четвертый раз, вкатил в библиотеку инвалидное кресло с Алексеем Петровичем.

– Спасибо, Андрей, – вежливо сказал он. Парень удалился, а Алексей Петрович виновато добавил: – Никак не могу научиться управляться с этой штукой. – Тут взгляд его замер на книге, которую я держала в руках, брови взметнулись вверх, и он растерянно спросил: – Тебя интересует история?

– Нет, – усмехнулась я, – обложка красивая. А здесь можно свихнуться от тоски.

– Ты же знаешь, для тебя безопаснее находиться здесь, – точно извиняясь, сказал он.

– Да? – Я презрительно хмыкнула, покачала головой и заявила: – Вовсе не уверена в этом.

– Уверена, – вздохнул он. – Иначе ты бы ко мне не вернулась.

– Ты об этом хотел поговорить?

– Нет. Я хотел поговорить о деньгах. Неделю назад я составил новое завещание. Когда я умру, все останется тебе. У Кирилла есть копия, хочешь взглянуть?

– Я тебе верю, – насмешливо ответила я. – А почему копия у Кирилла?

Он посмотрел непонимающе и ответил:

– Я решил, что, раз все документы хранятся у него... В конце концов, он наш адвокат. Ты что-то имеешь против?

– Нет, разумеется. Мне совершенно безразлично, кто наш адвокат. – Слово «наш» я произнесла с издевкой. – И это все? Больше ничего сообщить не желаешь? Ты мне завещал свои деньги, а что взамен?

– До моей смерти ты живешь в этом доме, – сказал он тихо. – Тебе ведь известно: ждать недолго...

– Зачем тебе это? – поморщилась я. – Между нами давно все кончено...

– Я хочу, чтобы ты была рядом, – упрямо заявил он. – В конце концов, ты моя жена. И те деньги, что ты получишь, стоят того, чтобы два часа в день быть со мной в одной ком-

нате. — В голосе его послышались горькие нотки.

— Хорошо, — усмехнулась я, поднимаясь с кресла. — Сегодня мы виделись больше двух часов. Спокойной ночи. — Я направилась к двери, Алексей Петрович кивнул, неотрывно глядя на книгу в моих руках, я сунула ее под мышку и удалилась.

Итак, кое-что стало ясно: человек при смерти, а Кирилл затеял бесчестную игру и надеется с моей помощью заполучить деньги хозяина. Посмотрим, что у него из этого выйдет. Этот тип — адвокат, а за хозяином дома и мной наблюдают четыре охранника (может, их и больше), но время у меня есть. Пока я веду себя лояльно, вряд ли Кирилл перейдет к военным действиям, хотя ему ничего не стоит ускорить кончину хозяина. В этом мрачном доме, оторванный от всего мира, беспомощный калека всецело в его руках.

Размышляя об этом, я вышла в сад, моя комната успела осточертеть, и возвращаться я не торопилась. Свернула за угол и вновь оказалась перед котельной. В ту же самую минуту железная дверь распахнулась и появился Иван.

— Чего тебе здесь надо? — прошипел он, торопливо оглянувшись и добавил: — Убирайся...

— Вот ты и убирайся, придурок, — ответила я, не очень беспокоясь о том, что нас могут услышать, дошла до ворот, высматривая котенка, и даже позвала: — Кис-кис!

Никто не отозвался, и я, насвистывая, вернулась в сад. Иван продолжал стоять возле двери в котельную, глядя на

меня так, точно всерьез собирался разорвать меня на части. Его свирепый вид не помешал мне обратить внимание на замок на двери за его спиной. Замок был обыкновенный, английский, и это воодушевило. То, что возле котельной постоянно крутится кто-то из охраны, наводило на интересные мысли. Стоит, пожалуй, посетить это сооружение.

Я вернулась в свою комнату и стала готовиться к ночной экспедиции (неизвестно, удастся ли ее осуществить, но попытаться стоило). Я нашла маникюрный набор и булавку с длинной иглой и красивой бабочкой на конце. Повертев ее в руках, я решила, что она сгодится, и вместе с пилкой для ногтей сунула в карман. Дело в том, что у меня был кое-какой опыт взломщика. На работе кто-нибудь из сотрудников обязательно забывал ключи от кабинета, причем с регулярностью раз в неделю. Бывало, ключи просто теряли, и в конце концов остался всего один ключ, который редко отдавали на вахту. Хлопнешь дверью – и готово дело, не можешь попасть на свое рабочее место. За слесарем приходилось идти в другое крыло, вот мы и приспособились отпирать замок подручными средствами. Больше всех в этом преуспела я. Подходя к кабинету и видя возле двери тоскующих коллег, я извлекала из сумки импровизированную отмычку, и буквально через несколько секунд граждане занимали рабочие места. Вскоре о моих способностях знал уже весь этаж, и в случае нужды обращались ко мне, а не к слесарю, потому что тот далеко да и на месте его не всегда застанешь, а я вот

она – рядышком. Как любила повторять моя бабуля: «Учись, Наташа, все в жизни пригодится».

Я размышляла об этом, тупо уставясь в телевизор и ожидая наступления полуночи. Примерно к этому времени нормальные люди укладываются спать, и я смогу выяснить, как тщательно охраняется моя тюрьма.

Ровно в полночь я выключила телевизор и свет в комнате, предварительно сунув под одеяло на своем ложе свернутое покрывало и положив в изголовье диванную подушку. Трюк старый, но и им не грех воспользоваться. Если вдруг кто-то решит заглянуть в комнату, при известном везении может подумать, что я сладко сплю. Хотя очень возможно, что все мои хитрости напрасны и путешествие закончится на пороге комнаты.

Стараясь не производить шума, я открыла дверь и выглянула в коридор, сжав в руке фонарик. Коридор тонул в темноте, в стрельчатое окно заглядывала луна, высвечивая часть пола и стены. Не хватало только волчьего воя да летучих мышей под сводами. Точно в ответ на мои мысли на улице завывала собака, громко и протяжно, ей ответили громким лаем откуда-то со стороны сада. Две двери, выходящие в коридор, разом открылись, и появились охранники: любезный моему сердцу Иван и Андрей.

– В чем дело? – спросил Иван.

– Собаки воют, – проворчал Андрей.

– Сбесились, что ли?

– Может, девка сбежала из дома?

Я не стала дожидаться конца диалога, поспешно вернулась в комнату, забралась под одеяло и стала ждать. Вскоре дверь с легким скрипом открылась, а я приподнялась, включила ночник и рявкнула:

– Что за черт! – Иван торопливо выскочил из комнаты, а я запустила в дверь подушкой, заорав на весь дом: – Убирайся, придурок!..

Где-то через час все стихло, собачки успокоились, а я вздохнула: о том, чтобы покинуть дом, не могло быть и речи. Доберманы, как мне известно, хорошо бегают, а вот я не очень, и зубы у них не чета моим.

Но, несмотря на эти здравые рассуждения, я вновь вышла в коридор, правда, планы мои изменились. Мысль посетить котельную придется оставить, а вот дом стоит осмотреть. Если меня кто-то поймает за этим занятием, сошлюсь на бессонницу – в конце концов, я у себя дома и могу бродить, где вздумается, как та кошка.

На всякий случай я прихватила фонарик и, особо не прячась, отправилась в центральную башню. Столовая, кухня, наверху библиотека – план, начертанный Кириллом, я прекрасно помнила. Правда, кое-что Кирилл на нем забыл указать, например, дверь, выходящую из кухни в сад. На ночь ее, конечно, запирают, а если даже мне удастся ее открыть, собаки не позволят и шагу ступить. Очередным коридором я направилась в третью башню – в ней располагались комната

хозяина и помещения для гостей, так, по крайней мере, значилось на плане. Скорее всего Кирилл живет там, поближе к своей жертве.

Комната Алексея Петровича находилась на первом этаже, из нее легко попасть в столовую, а из коридора – на лифте – в библиотеку. На второй этаж вела лестница, устроенная в толще стены, благодаря ей сходство со средневековым замком было полным. Держась за перила, я поднялась по крутым ступенькам. Из-под одной из дверей пробивался свет. Я прошла на цыпочках и прислушалась: тишина. Возможно, это комната Кирилла, хотя в доме и кроме него могут быть люди, о которых мне ничего не известно. В этих чертовых переходах может разместиться взвод солдат, и то их заметишь не сразу.

Из квадратного коридора вели четыре двери, по одной на каждую сторону света. Я выбрала наудачу одну из них и осторожно толкнула. Она легко поддалась, а я прислушалась. Сквозь узкие окна пробивался лунный свет, и предметы я различала хорошо. Комната нежилая, вся мебель зачехленная, огромное зеркало закрыто простыней, и даже картины на стенах тоже затянуты белой тканью. Разглядывать здесь было нечего, но расследование начинать с чего-то надо. В общем, я закрыла за собой дверь и включила фонарик.

Комната имела довольно странную форму, потому что занимала примерно четвертую часть круглой башни и от этого походила на кусок круглого торта. Три другие комнаты,

должно быть, копия этой, слева – дверь в ванную и туалет. Я приподняла чехол на одном из кресел, взглянула на обивку без всякого толка и вздохнула. Можно всю ночь шататься по дому и сколько угодно таращиться на мебель в чехлах, к разгадке происходящего здесь это меня не приблизит.

В крайней досаде я приподняла полотно на одной из картин и удивленно замерла: три башни, крыльцо, готические окна... вне всякого сомнения, это тот самый дом, в котором я сейчас нахожусь, только ограда отсутствует, зато сад выглядит очень впечатляюще. Картина внушительных размеров и в дорогой раме. Что ж, хозяева дома пожелали запечатлеть его на холсте. О вкусах не спорят.

Я отошла к противоположной стене, чтобы взглянуть на вторую картину. Это был портрет. Молодая женщина в кресле, руки сложены на подлокотнике, взгляд устремлен куда-то за мою спину, на губах едва заметная улыбка, точно художник задумал соревноваться с великим Леонардо. Подпись в углу «А. Морозов». Следовало признать, что портрет ему удался. Я отступила на несколько шагов и присмотрелась к женщине. Светлые волосы до плеч, короткая челка. Тонкий нос, большие глаза, красивый рисунок губ. Сердце вдруг испуганно забилось, а я в недоумении продолжала стоять перед портретом, вглядываясь в незнакомое лицо. Бог знает, почему портрет женщины произвел на меня такое впечатление, может, дело в улыбке и насмешке в ее глазах?

В коридоре послышался шум, я торопливо одернула по-

лотно на картине и выключила фонарь.

– До завтра, – услышала я голос Кирилла. – Не волнуйся, все идет отлично.

Мужской голос что-то неразборчиво проворчал в ответ. Судя по шагам, человек направился в сторону лестницы, потом начал спускаться, скрипнула дверь, и все стихло. Выждав минут пять, я покинула комнату. Коридор был по-прежнему темен, а из-под двери комнаты, в которой предположительно жил Кирилл, свет не пробивался. Значит, этой ночью у хозяина комнаты были гости, вернее, гость. Человек, которого он заверял в надежности совместного предприятия, по крайней мере, похоже на то: как еще растолкуешь сказанное им? Человек этот – его компаньон, и он здесь, в доме. Охранников можно смело исключить, выходит, в доме есть некто, с кем я не встречалась, играющий в этой истории не последнюю роль. «Слишком много тайн», – решила я, осторожно спускаясь по лестнице, достигла первого этажа, оказалась на круглой площадке и тут с некоторым удивлением обнаружила, что лестница идет дальше вниз. Поднимаясь на второй этаж, я не обратила на это внимания. Выходит, внизу подвал, и, очень возможно, именно там сокрыто нечто интересное. Ночь, луна и дом, похожий на замок, повлияли на меня совершенно определенно: мне стали мерещиться тайны за каждым углом, злодеи с кинжалами и скелеты в шкафу. В общем, я устремилась вниз. Лестница закончилась в узкой комнатке, из которой вела только одна дверь. Я

подергала ее и убедилась, что она заперта. На стене, прямо над головой, я разглядела прямоугольное окошко, забранное решеткой. Во время своей прогулки я видела такое – как раз напротив котельной, сантиметрах в двадцати над асфальтом. Следовательно, я в подвале, а эта дверь, очень вероятно, ведет в ту самую котельную.

Рассмотрев замок, я извлекла свои отмычки и мысленно перекрестилась. Надо признать, мне было трудно объяснить, чем меня привлекала котельная. Тому, что там всегда присутствовал кто-то из охраны, могло быть очень простое объяснение, да и вообще, «всегда присутствовал» – весьма сомнительное утверждение, я и побывала-то там всего два раза, но, несмотря на эти здравые мысли, котельная меня очень и очень интересовала.

Открыть замок оказалось плевым делом. Я заглянула в темноту и прислушалась, потом включила фонарик. Короткий коридор, трубы вдоль стен и еще одна дверь впереди. Я осторожно щелкнула замком и торопливо достигла двери напротив. В отличие от первой, она не была заперта, и это насторожило. Я припала к ней ухом, несколько минут стояла, затаив дыхание, и лишь после этого решила ее приоткрыть. В котельной царила крошечная тьма, и ничто не указывало на присутствие хоть одной живой души. Успокоившись, я включила фонарь и осмотрелась. Помещение было большим и без всякого намека на таинственность, так что я почувствовала что-то вроде разочарования. Какого черта я

так рвалась сюда? И что ожидала увидеть?

В этот момент луч фонаря осветил печь с круглой заслонкой, и я испуганно вздрогнула. В голову полезла всякая чушь, я таращилась на печь, дрожала как осиновый лист, слыша, как бешено стучит мое сердце, и честно созналась самой себе, что печь мне не нравится – уж очень она напоминает подобную штуку в крематории. «Стоп, – вовремя сдержала я распоясавшееся воображение. – Это котельная, и печь здесь должна быть, с этим трудно спорить». Прямо за печью я осветила огороженное пространство, наполовину заполненное углем. Нелепый замок находится в историческом центре города, где дома очень старые, без удобств. Коммуникации проложены не были, оттого и возникла необходимость в собственной котельной. Возможно, теперь надобность в ней отпала, но труба и само строение так и остались. По-моему, все логично. Одно не вписывается в эту картину: какого черта здесь делает охрана? Я присела на корточки перед печью и с душевным трепетом открыла заслонку. Не знаю, что я ожидала увидеть, может, действительно обгоревшие кости, но, кроме золы, ничего не обнаружила и с облегчением вздохнула, а потом осмелела настолько, что запустила в золу руку и немного пошарила, не из любопытства даже, а для того, чтобы доказать себе: ничего страшного тут нет и быть не может. Пальцы наткнулись на что-то твердое. Устроившись поудобнее, я смогла рассмотреть обгорелый кусок кожи, который не так давно был подошвой туфли: на нем да-

же остались несколько букв от названия фирмы и цифра 38 – вне всякого сомнения, размер. Покопавшись еще немного и не обнаружив ничего заслуживающего внимания, я сунула кусок подошвы в карман и приготовилась покинуть котельную. И тут наверху, где, надо полагать, была расположена дверь с улицы, раздался шорох: кто-то осторожно отпирал замок. Я торопливо огляделась. Дверь уже открылась, и человек вот-вот начнет спускаться по лестнице, мне не успеть добраться до выхода: он либо услышит меня, либо успеет заметить. Не раздумывая, я закатилась под одну из труб возле ближайшей стены и зажмурилась, призывая на помощь всех известных святых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.